

Ты любишь предателя

Автор:

Штефани Хассе

Ты любишь предателя

Штефани Хассе

Клуб романтики

Кара должна быть на седьмом небе от счастья, ведь она прошла испытание и теперь стала частью братства Воронов. Но она не знает, кому верить, поскольку в ее сердце закрались два лжеца. Один сводил с ума прикосновениями и поцелуями, при этом играя по своим правилам. Она доверяла другому, пока не раскрыла его страшную тайну. Тайну, которая не только встряхнет шикарный колледж Святого Иосифа, но и разрушит жизнь Кары. Чтобы предотвратить это, ей придется положиться на помощь двух лжецов...

Штефани Хассе

Ты любишь предателя

Посвящается всем, кто, дочитав «Поцелуй врага», проклял меня. Извините!

Matching Night, Liebst du den Verräter

Copyright © 2021 Ravensburger Verlag GmbH, Ravensburg, Germany

© 2021 by Stefanie Hasse

© Нина Бабёр, перевод на русский язык

В оформлении издания использованы материалы по лицензии @shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Никогда Ханна Блайт не нервничала так, как перед этой встречей. Больше часа она занималась тем, что наводила порядок в своих записях, перекладывая листочки на письменном столе. Приготовила карандаш и положила рядом два запасных, затем переложила их по-другому. Снова и снова редактировала список важнейших пунктов интервью, пока не бросила взгляд на многочисленные статьи, прикрепленные к стене – «Доску почета», где расположились женщины, которые достигли чего-то грандиозного или продолжали грандиозное совершать. Кэролайн Вейтерс – самая молодая председательница правления компании, ценные бумаги которой котируются на бирже. Брианна МакКеллан – создавшая свое предприятие, вместо того чтобы ждать, пока отец уступит ей место в газетной империи. Джоэлль Мастерсон – пожалуй, самая сильная женщина-адвокат во всей Великобритании. И, конечно, Мишель Прентисс – первая женщина-президент Америки спустя столетия, которые прошли под властью мужчин.

Нервозность тут же вернулась. Она хотела задать сыну первой женщины-президента США тысячи вопросов – они бы сломали любые рамки интервью. Это была бы сенсация! Но ни одна газета до сих пор не сообщила об этом. Никто не был в курсе, что Джошуа Прентисс будет учиться в Колледже Святого Иосифа в Уайтфилде, вместо того чтобы поступить в Гарвард.

Руки стали влажными от волнения, и, когда в дверь наконец постучали, она быстро вытерла ладони о брюки.

Хмурый телохранитель проверил комнату. Затем произошел, наверное, исторический момент. Сын первой женщины-президента США вошел в маленький офис редакции «Сплетника Святого Иосифа». Одно его присутствие

заставило Ханну чувствовать себя прижатой к стене.

Сын президента улыбнулся обаятельной, предназначенной для камер улыбкой, протянул ей руку и представился, будто в этом была необходимость.

- Привет, я Джошуа Прентисс. А ты Ханна?

Ханна быстро сглотнула остатки своего волнения и протянула руку в ответ. Вопреки ожиданию, его рукопожатие было на удивление твердым, а пальцы грубыми. При этом его взгляд надолго задержался на ее запястье. Прежде чем она смогла отреагировать, он посмотрел ей в глаза и одним предложением снес все стены самозащиты, обвинений и ярости, которые Ханна воздвигала вокруг себя в течение целого года. Стены, которые спасли ей жизнь:

- Я уже год ищу свою подругу Беверли Грей. Мне нужна твоя помощь.

Глава 1

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 22.11.

С телефоном в руке, одетая в слишком большие для меня шмотки Тайлера, я бегу по спящему кампусу. Мои босые ноги шлепают по ледяному асфальту. Звук эхом отлетает от старинных зданий, которые следят за мной, словно шпионы. Я ощущаю на себе их взгляды, по всему телу пробегают мурашки – правда, причиной тому может быть холод. Никто в Англии не бежит ранним ноябрьским утром по окрестностям в футболке и босиком. Два тепло одетых бегуна провожают меня удивленными взглядами. Мое дыхание превращается в конденсат в форме маленьких облачков. Влага ложится на мою кожу, словно холодный компресс. Извечный осенний туман полностью заполнил кампус Уайтфилдского университета. Все как всегда – и все же для меня все по-другому.

Тайлер – кандидат в Братство Львов. Или был им?

Тайлер как-то связан с исчезновением Беверли Грей. Девушки, чье имя воздвигло стену недоверия и сомнений между моей лучшей подругой и мной.

С каждым шагом эти два предложения, как молотом, все сильнее вбиваются в мой мозг, который пытается осознать их смысл.

Я словно сплю. Это все не может быть реальностью. Не может быть, чтобы я, полуголая на холоде, убегала от единственного человека, которому доверяла, который держал меня в своих объятиях до тех пор, пока слезы и шок от осознания истинных мотивов Джоша не иссякли.

Мне становится плохо. Но я все равно бегу дальше.

Голос Ханны с помехами доносится через динамики моего телефона.

– Я тебя вижу, Кара. Ты справишься. Скоро ты будешь в безопасности.

Мои шаги сбиваются, я иду медленнее. Мне нужно время. Я должна подумать.

Вокруг возвышаются старые здания общежития в викторианском стиле с обвитыми плющом окнами. Сотни глаз, которые смотрят на меня сверху вниз и видят мои сомнения. Ведь не только Тайлер не оправдал моего доверия, но и моя лучшая подруга. Она скрыла от меня, что заодно с Джошем Прентиссом, сыном президента США, который за последние несколько недель завоевал мое доверие и злоупотребил им. Конечно, он просил ее держать все в тайне, но какие обещания значат больше? Данные лучшей подруге или какому-то незнакомцу? Тот факт, что он сын американского президента, не должен иметь никакого веса. Эти двое – компания, от которой я бы предостерегла свою младшую сестру Фиби. Почему Ханна непременно хотела помочь Джошу в его шпионском деле? Неделями она хранила от меня тайну. Это знание подобно гнойной ране, которая не собирается заживать.

– Куда подевалась твоя физическая форма? – спрашивает Ханна. Ее голос звучит так натужно непринужденно, что даже помехи динамиков не способны этого скрыть.

Могу ли я все еще доверять Ханне? Или своими секретами она разрушила дружбу, которая связывала нас с детского сада?

В этот момент раздался второй звонок. Мое бешено стучащее сердце удвоило частоту ударов. Тайлер. Имя на экране как ответ на мой внутренний вопрос. Ханна предупреждала меня о Тайлере. Но я не хотела ее слушать.

Тайлер, который сейчас наверняка задастся вопросом, почему я не лежу голая в ожидании завтрака.

- Кара, что случилось? Тебе нельзя останавливаться, иначе ты замерзнешь!

Я слышу голос Ханны, словно из-под воды, захваченная потоком картин прошедшей ночи. Требовательные поцелуи, прерывистое дыхание. Потрескивающее напряжение, вызванное всем невысказанным, что заставило наши накопившиеся чувства взорваться. Я все еще чувствую его тело, запах, вкус. Ночь была похожа на опьянение - а теперь наступило самое мерзкое похмелье в моей жизни. Я очнулась, словно меня окатили ледяной водой.

- Кара!

Следующий поток воздуха конденсируется передо мной и распадается. Я вдыхаю влагу и бегу остаток пути спринтом. Тайлер не сдается, его имя продолжает вибрировать в моей руке.

Сопровождаемый шлепками моих босых ног, гул отражается от голых стен, когда я бегу вверх по лестнице общежития к комнате Ханны, у двери которой она встречает меня. Подруга втаскивает меня в коридор и поспешно запирает дверь, словно Тайлер бежит за мной.

- Черт возьми, Кара! - Она опирается о дверь, тяжело дыша, будто это она бежала.

В подтверждение этого лицо ее бледнее обычного, а волосы выглядят так же, как во время Хэллоуина, когда мы ходили по нашей деревне, предлагая «сладость или гадость». Тогда она нарядилась кикиморой, ее волосы свисали прядями после вылитой на них упаковки геля. Сегодня синяки под глазами у нее

настоящие.

– Выглядишь паршиво, – произношу я, после того как воздуха снова становится достаточно, чтобы говорить.

– Не делай больше ничего подобного! – она орет на меня так громко, что я автоматически озираюсь в поисках Алины, ее соседки. Но все тихо.

У меня столько всего вертится на языке – в первую очередь упреки – что я лучше не буду говорить то, о чем позже совершенно точно буду жалеть. Вместо этого я продолжаю дышать, несмотря на тяжесть в груди. Мой телефон снова начинает вибрировать.

– Ты должна ему что-нибудь сказать, – увещевает Ханна. – Он не должен ничего заподозрить.

Я не могу понять смысл ее слов. Я запуталась. Мои чувства словно попали в миксер, и я начинаю истерически смеяться, вместо того чтобы – не знаю – может быть, завывать?

Ханна медленно подходит ко мне и хватается мою руку. Нет, мой телефон. Она забирает его и что-то печатает. Конечно, она знает код, с помощью которого можно обойти функцию «Face ID». Она моя лучшая подруга. У нас нет тайн друг от друга. По крайней мере, я так думала.

Не возвращая мне смартфон, она проталкивает меня через короткий коридор в комнату. До того как Алина приехала раньше запланированного, я жила у Ханны. С чего, по словам Джоша, и начался весь хаос.

Ханна силой усаживает меня на протертый диван. Она спрашивает, не хочу ли я кофе, и я механически киваю. Мой пульс все еще зашкаливает, и я не чувствую ног. Ханна накрывает меня тяжелым шерстяным одеялом.

Немного погодя – со жгучим покалыванием в оттаивающих стопах – я держу в руке кофе и наслаждаюсь поднимающимся вместе с паром ароматом.

– Рассказывай! – настаивает Ханна. – Джош чуть было не натравил на Тайлера своего телохранителя, потому что думал, что ты будешь там. Я сдерживала его, сколько могла. – Она так сильно прищуривается, что я больше не различаю темную синеву ее радужной оболочки. Имя Джоша, словно ядовитый туман, витает между нами. – Даже если ты не выглядишь так, будто тебя надо спасать.

В привычной манере Ханна вскидывает бровь. По этому действию я с точностью до миллиметра понимаю уровень накала ее вызывающего взгляда. Сегодня он бьет все предыдущие рекорды.

– Тайлер собирался принести завтрак. Я осмотрелась в его апартаментах и случайно наткнулась на Книгу Льва с его именем. – Я делаю глоток из чашки. – Внутри лежал браслет. Окантованный камнями – бирюзой. Это...

– Это браслет Беверли. Я знаю.

Я киваю.

– Еще там была немного смазанная фотография Тайлера с... Беверли. – Мне тяжело дается произнести ее имя. За прошедшие недели оно стало для меня красной тряпкой. Синонимом напряжения между мной и Ханной. – С обратной стороны было написано, что эта фотография – часть видео.

Лицо Ханны светится энтузиазмом.

– А ты случайно не прихватила ее с собой? До сих пор у нас не было доказательств того, что Тайлер связан с исчезновением Беверли, только подозрение. – Ханна сканирует меня с головы до ног, словно у меня есть потайной карман, притом, что на мне нет даже носков и бюстгалтера.

– Я все засунула обратно в Книгу Льва и удрала. – В ответ на ее удрученное выражение я саркастично добавляю:

– Извини! Если в следующий раз после горячей ночи выяснится, что мой партнер – лжец и преступник, я подумаю о том, чтобы сберечь доказательства, вместо того чтобы убегать от него без обуви и свитера. – Чтобы успокоиться, я делаю глоток кофе. – Расскажешь, как ты в это вляпалась? – спрашиваю я

и внимательно смотрю на подругу. У нее непроницаемое лицо, против которого у меня никогда не было шансов.

– Джош ведь говорил тебе, разве нет? – Она слегка наклоняет голову, ее темные волосы скользят по плечам.

– Подозреваю, все, что мне говорил Прентисс, было сожжено моей яростью к нему и к себе. – Это была чистая правда.

– Окей. Тогда начнем с начала. Рано утром Джош пришел ко мне в редакцию, – начинает она и рассказывает, как Джош обратил ее внимание на эту историю и попросил его поддержать. – На тот момент мы не знали, что Лука хотел примазаться к Львам и во всех деталях информировал Келлана о действиях «Сплетника». И о том, что ты – по его мнению – разыскивала сведения о Воронах и Львах.

– Из-за чего я оказалась под перекрестным огнем и превратилась в мишень, – добавляю я, и горечь в голосе переходит на язык. По крайней мере, у Ханны хватает храбрости, чтобы извиниться. Даже если она сделала это ненамеренно.

– Вот почему я попросила Джоша присмотреть за тобой.

У меня вырывается сдавленный звук, который, возможно, мог бы стать смехом – если бы это было действительно смешно. Внимание, которое уделил мне Джошуа Прентисс, устроило бурю с моими гормонами. Когда-то в его присутствии я даже чувствовала себя хорошо – его поцелую, который имел целью сохранение конспирации, я придала слишком большое значение. При этом все то время он лишь искал сведения о своей пропавшей подруге. О подруге, которая выглядит милее и естественнее любой топ-модели и которая при этом – по крайней мере, в «Инстаграм»[1 - Здесь и далее организация, запрещенная на территории РФ. (Прим. ред.)] – производит приятное впечатление обычной девушки, живущей по соседству.

– Это просто подло, – шепчет тихий голос внутри меня, который наконец оттаял и сочувствует мне. Я была до такой степени наивна. Если бы речь шла о подобном поступке Фи, я бы покачала головой, что и делаю сейчас в отношении самой себя.

Ханна пододвигается и обнимает меня. Непривычно нерешительно. Как тогда, когда рассказала, что ей нравятся девушки, и была не уверена, можно ли ей теперь обнимать меня, или мне это может быть неприятно. Неприятно не было, сегодня тоже. Тем не менее, я чувствую, как, несмотря на соприкосновение, что-то между нами произошло. Наше взаимное доверие подверглось тяжелому удару, последствия которого не сможет устранить даже тонна эклеров от Евы. Только время.

Мой телефон на столе вибрирует. Жужжание заполняет всю комнату. Я разблокирую его и пробегаю глазами то, что Ханна написала Тайлеру, прежде чем прочитать его ответ.

Мне жаль, что пришлось уйти. Ханна позвонила – женские проблемы. Загляну к тебе попозже, чтобы забрать вещи.

Я смотрю на свою подругу, которая только пожимает плечами:

– Стереотипы – лучшее оправдание.

Надеюсь, эта женская проблема быстро уладится. Иначе у меня возникнет мужская проблема. А ее ты на себя взять не сможешь, К.

Тайлер, судя по всему, действительно ничего не заподозрил. Я раздумываю, что ему ответить. Столько всего произошло. Я была вынуждена признать, что не гожусь для невинной дружбы с примесью легкого флирта. Мои чувства к Тайлеру становились все сильнее и сильнее. И в итоге выплеснулись из меня прошлой ночью, смешавшись с чувствами Тайлера, образовав взрывоопасный коктейль. Однако потенциал этих отношений был полностью уничтожен тем фактом, что он все время притворялся, а я была всего лишь одной из многочисленных девушек в кампусе, с которыми он флиртовал и вел свои игры. Ханна была права, но я доверяла своей интуиции и спала с типом, который явно имеет какое-то отношение к исчезновению девушки.

Я уставилась в телефон, на погасшем экране которого отражалась. С такой четкостью, что были видны даже веснушки. Волосы светились в лучах утреннего солнца, как отполированная медь.

Ханна взяла телефон и ответила за меня:

Это, конечно, было бы печально.:~)

Я рад. Когда мы увидимся? Прошлая ночь была невероятной...

– Я не хочу знать подробностей, – скулит Ханна и протягивает мне телефон.

Ее передергивает, в то время как мое подсознание демонстрирует мне воспоминания о покрытой потом коже и страстных поцелуях. Предательская штука, черт возьми. Тайлер опасен! Не только для моего сердца. Поэтому я позволяю Ханне во всех деталях рассказать мне обо всем, что они с Джошем выяснили за последние недели.

– Если действительно существует видео с Беверли и Тайлером, с помощью которого на него не без оснований можно надавить, то оно точно лежит среди видеозаписей безопасности.

Я нахмуриваю лоб, потому что не имею понятия, о чем она говорит.

– Видео вашего проникновения в кабинет декана. Джош называет их «видеозаписями безопасности», потому что они гарантируют сообществам лояльность их членов.

Я застонала, когда мне напомнили о том, что и на меня есть такое видео. Видео, которое способно в любой момент загубить мою карьеру в Колледже Святого Иосифа. Оно существует на каждого Ворона и каждого Льва. По словам Дионы, только до окончания учебы, но, когда я думаю о лояльных до сих пор выпускниках, я в этом совсем не уверена. Что означает – я всегда буду на крючке у этих объединений. Если только не найду свою видеозапись

безопасности.

– У вас есть предположение о том, где могут быть эти видеозаписи? – спрашиваю я. – Должны же Келлан и Валери их где-то хранить.

Ханна качает головой.

– Джош и Джейс уже искали в кабинете Келлана. В доме Воронов они пока не смогли все тщательно осмотреть, но...

– С чего ты взяла, что видео с Тайлером и Беверли находится среди... официальных видео? – перебиваю я ее. – Может, его шантажирует кто-то другой.

– Это правда. Пока мы продвигаемся наощупь и можем только надеяться, что найдем его среди других видеозаписей безопасности. Тогда настанет время уничтожить Воронов и Львов. Я знала, что Львы имеют отношение к исчезновению Беверли. Как только мы сможем это доказать, сообщим о них куда следует.

Испугавшись, я начинаю задыхаться.

– Я там живу, Ханна! Вороны платят за мою учебу и за учебу других. У Львов то же самое. Среди их членов не только богатенькие детки, но и люди вроде тебя и меня. Только из-за того, что один фрукт подгнил, не выбрасывают миску со всеми остальными. Они делают и добрые дела!

Ханна смеется над моим сравнением, но сразу же становится серьезной.

– Это мы еще посмотрим. В любом случае мы должны срочно выяснить, кто этот гнилой фрукт. Помимо вот этого... – Она указывает на следующее сообщение от Тайлера.

Я скучаю по тебе, К.

Здесь все пахнет тобой, и это сводит меня с ума.

Я прижимаю руку к животу. Может, чтобы остановить суету зашевелившихся бабочек, а может, потому что мне становится нехорошо.

- Этот подонок еще и манипулятор! - комментирует Ханна.

Глава 2

СУББОТА, 28.11.

В последующие дни я чувствую себя призраком. Хожу на занятия, но сразу после них запираюсь в комнате вместе со своими материалами. Во вторник я выполнила домашнюю работу к семинару по маркетингу, в среду - задание на неделю для практического курса профессора Деверо. После потери работы в кафе у меня много времени. Настолько много, что вчера я даже попросила своего преподавателя по экономическому праву дать мне дополнительное задание, просто чтобы отвлечься на что-то. Сегодня утром я сдала его, и теперь у меня не осталось поводов прятаться. От других - и Ханна, которая чуть ли не каждый час пишет, что хочет со мной встретиться.

Но, как и в случае с Тайлером, я прикрываюсь учебой.

Ее последнее сообщение, отправленное сегодня в первой половине дня, звучало так:

Я знаю, что ты боишься. Я знакома с тобой почти всю жизнь. Но нам нужно поговорить о том, как действовать дальше.

Неделя проходит, а я не являюсь полноценной частью жизни Дома Воронов, хотя все идет привычным образом. Игр претендентов больше нет. Никому не приходится переживать из-за того, что нужно будет покинуть Дом Воронов. Я понаблюдала за другими и решила снова подключиться к ним. Сегодня идеальный момент для этого.

Вороны собираются в почти полном составе по очень редким поводам. Еженедельный кинопоказ во внутреннем дворе Дома Воронов – один из них. Как только окна трех этажей над нами перестают пропускать дневной свет, зона отдыха гигантского внутреннего двора внезапно расширяется. Столы и все, на чем можно сидеть, расставляют вокруг небольшой современной стойки, прежде чем большой экран по одному нажатию кнопки плавно опускается с декорированного лепниной потолка и встраивается в декадентское сочетание современности и антиквариата.

Над выложенным из кирпича камином, в котором радостно потрескивает огонь, в золотой раме висит портрет основательницы общества, которое сейчас называет себя в ее честь Воронами. Фелиситас Рейвен намного опередила свое время. Она боролась с несправедливостью, которую в мире, находившемся исключительно под управлением мужчин, мало кто видел, кроме нее, и таким образом не поддавалась мужскому диктату.

Чем дольше я смотрю на основательницу Воронов, тем больше внутренне распрямляюсь, вместо того чтобы следить за действием любовной ерунды, которая идет на экране и является причиной того, что вечер кино остается зоной, свободной от Львов, хотя Львы имеют свободный доступ в здание.

Фелиситас Рейвен использовала все, что было в ее распоряжении, для того, чтобы помогать другим. Она превратила Дом Воронов в общежитие, которое я знаю сегодня, и ввела стипендии, чтобы обеспечить доступ в университет женщинам, не имевшим аристократического происхождения.

Когда эта безусловная помощь превратилась в бизнес? С видеозаписями безопасности в качестве средства давления? Что-то пошло не так. Аккуратно уложенные волосы Фелиситас Рейвен встали бы дыбом, если бы она увидела свое завещанное имущество сегодня.

Мой взгляд скользит по Воронам впереди меня, которые бездельничают в креслах и пуфиках-мешках, едят попкорн или попивают свои напитки. За редким исключением они никогда не возвращаются в одних и тех же группках, а постоянно смешиваются, не обращая внимания на социальный слой, к которому принадлежат за стенами Дома Воронов. Что не в последнюю очередь объясняется чувством единения и равенства, которое постоянно проповедует наша председательница Валери. Мы все женщины. Остальное ее не интересует. Она французская герцогиня, с которой за пределами сообщества Воронов я бы

никогда и словом не перемолвилась.

Рекомендация Тайлера повлекла за собой не только плохое – неважно, какие мрачные текстовые или голосовые сообщения Ханна присылала в последние дни. С тех пор как неделю назад сбежала из квартиры Тайлера, я не смогла выудить из Ханны ни одного доброго слова о студенческих братствах. При этом у них с Фелиситас Рейвен много общего. Основательница Воронов хорошо бы смотрелась у Ханны на «Доске почета» в офисе «Сплетника» – рядом с сильными и значимыми женщинами нашей истории.

Чем более нормальной становится обстановка вокруг, тем более дикой представляется мне одна только мысль о том, чтобы разрушить это – за редкими исключениями – чудесное сообщество, как того от меня требует Ханна. Конечно, не все идеально – такого и не бывает, – но Вороны дают мне безумно много. Я просто не могу поверить, что за всем этим стоит только ложь и замаскированные игры во власть. Поэтому я умоляла Ханну ничего не предпринимать без меня, даже если Джош наткнется на видеозаписи безопасности в особняке Львов.

Мысль о нем заставляет мой желудок скрутиться. Не так сильно, как неделю назад – когда на большом балу Воронов он рассказал мне правду и вызвал во мне чувство, что меня предали – которое привело меня в объятия Тайлера, – но все же неприятным образом. Теперь я знаю, что вина Тайлера тяжелее, его тайна намного больше, чем я когда-либо могла себе вообразить. Тем не менее, эти двое мужчин, которых я за последнее время впустила в свою жизнь, меня использовали и разочаровали – и я ненавижу их за это. Со времен Мейсона я наконец открылась другим, а они снова захлопнули эту дверь прямо перед моим носом.

– Что ты так вздыхаешь? – спрашивает Диона и смотрит на меня, слегка наклонив голову. Водопад лиловых и голубых волос падает ниже ее обнаженной руки, которая в действительности бледнее моей. – Тебе тоже фильм кажется скучным? Дизайнер костюмов – настоящий профан.

Она надувает губы, покрашенные в тон розовых корней ее волос, так что я непроизвольно ухмыляюсь. Диона излучает по-настоящему магическое сияние. Она способна любого заразить своей увлеченностью модой. Даже меня, которая, в упор глядя на логотип «D.A.», не смогла бы опознать фирменный лейбл мамы Дионы, Даниэль Андертон. Но, как и в эскизах Дионы, в коллекциях «D.A.» таится нечто большее, чем поверхностность, чего бы я никогда не подумала. С тех пор

как въехала сюда и подружилась с Дионой, я кое-что усвоила о том, что делает с нами одежда, и какое значение она имеет прежде всего для нас, женщин.

Она еще ближе наклоняется ко мне и шепчет:

– Почему, очевидно, сильному главному действующему лицу не подсунуть что-то в качестве небольшого бунта, что-то, что увидит только зритель? – Она качает головой и смотрит на меня, будто я и есть главный персонаж, в чьем образе она намерена выискать нестыковки. – Тебя не шмотки смутили, – констатирует она. – Что случилось? Неделя выдалась тяжелой? Я тебя почти не видела. После того как состоялся бал, мне снова приходится завтракать одной.

Я закатываю глаза.

– Ты была не одна, если верить слухам, – отвечаю я, ведь по утрам в столовой не раз видела ее яркую шевелюру и афрокосички Остина за одним столом, но была не в силах подсесть к ним.

Может, все бы пошло иначе, если бы Джош не имел целью сойтись со мной, чтобы оберегать по просьбе Ханны? Между Дионой и Остином возникла крепкая связь, это задевает меня и постоянно напоминает о том, что я попала сюда – в отличие от всех остальных – вследствие недоразумения и отвратительных интриг.

– Я променяла бы Остина на тебя. – Она улыбается, и кажется, что во внутреннем дворе становится светлее. – По утрам он ужасный собеседник. Я с тем же успехом могла бы говорить сама с собой.

Я смеюсь. Диона с первого же момента дала мне чувство принадлежности, и за одно только это я ее люблю. И сейчас ей тоже удалось вытащить меня из норы, в которую я бы охотно забилась, чтобы предаться мрачным мыслям. Если Диона, у которой уже есть имя в мире моды и чьи родители были Вороном и Львом, считает меня настоящим Вороном, почему я сама себя таковой не считаю? Она является для меня доказательством того, что за этим сообществом стоит нечто большее, чем просто интриги. Что речь идет о дружбе и сплоченности, как того и желала Фелиситас Рейвен для всех женщин.

– Тогда увидимся завтра на завтраке? – спрашиваю я, когда пошли титры, вздохи и ахи под высоким потолком умолкли и зажглись первые огоньки света.

– Да, конечно. Я скучала по тебе.

Она так внезапно прижимает меня к себе, что я чуть не падаю, а лилово-голубые волосы почти душат меня. Через ее плечо я вижу Валери, которая стоит у стойки рядом с Майли и приветствует меня своей водой с лимоном и довольной улыбкой.

Глава 3

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 29.11.

– Тебе не спалось? Почему у тебя настроение, как у Остина в это время? – Диона надкусывает свой круассан и вызывающе усмехается. – Или дело во мне?

– Нет-нет, не переживай, – отвечаю я и отрезаю кусок от своего тоста с яйцом. – Я выспалась. – Быстро засовываю вилку в рот, чтобы выиграть время.

Каждую ночь я сплю как младенец, потому что проживаю свою самую большую мечту. Момент пробуждения – вот в чем проблема. Когда я разом осознаю, что лежу в комнате в Доме Воронов и полностью нахожусь во власти сестринства – что мечта превратилась в кошмарный сон. Ведь Вороны финансируют мою учебу, оплачивают нужные книги и учебные материалы, организуют эксклюзивные учебные группы, которые доносят до меня знания так, что я чувствую себя во всеоружии перед любым экзаменом. И с помощью единственной видеозаписи, которая может попасть к декану, они способны забрать у меня все это. Даже больше, чем это, ведь я потеряю не только стипендию и место для сна, но и вылечу из университета. Эта мысль меня добивает. Настолько, что уже несколько дней в моем дневнике счастья не было ни одной записи, даже если я себя периодически ловлю на том, что, несмотря на все, иногда ощущаю его мимолетную искру. Значение слова «счастье» я больше не могу уловить, не говоря о том, чтобы описать.

Я живо отбрасываю картины того, как пытаюсь извлечь из своих дней что-нибудь позитивное, чтобы вписать это на пустые страницы, и отпиваю грандиозный латте Майли, прежде чем добавляю:

– Кто ж не выспится на таких кроватях? – Я потягиваюсь и зеваю, заражая этим Диону.

– Ты все еще переживаешь насчет видеозаписей, не так ли?

Я опускаю глаза на чашку, чего ей достаточно в качестве ответа. По крайней мере я могу свалить на это нервозность и беспокойство последних дней, ведь правду я ей сказать не могу – что Джош, с которым я была в паре, меня использовал, что лучший друг Тайлер обманул меня и явно имеет отношение к исчезновению Беверли Грей, которая в прошлом году была претенденткой в Вороны.

Я не знаю, насколько глубоко одна или несколько из Воронов замешаны в этом, знают ли они вообще что-то или списывают исчезновение Беверли на причуду молодой любознательной девушки. Диона в любом случае будет верить в то, за что выступают Вороны. Во что я и сама так хочу поверить. Даже при том, что Диона мне действительно нравится и интуиция говорит, что я могу ей полностью доверять, разум повсюду чует новое предательство.

Диона тянется к моей руке, в которой я держу вилку, и обхватывает ее.

– Я поговорила с моими родителями об этих видеозаписях, после того как ты на балу... – Она смущенно смотрит в сторону.

– После того как я сорвалась и сбежала? – завершаю я ее предложение.

Диона кивает, она все еще не смотрит меня.

– Ты заставила меня задуматься. Я спросила себя, что последует, окажись это видео не в тех руках, и запаниковала. Остин абсолютно никак не помог. Он думает, что оно никогда не будет принято судом в качестве доказательства, потому что смонтировано, чтобы точно так же не очернить и второго человека из пары, но я сначала подумала не о процессе, как он, а о тебе. О твоем упреке, что

сообществу вроде Воронов не следовало бы обеспечивать себе лояльность средствами давления. Студенты-юристы! – Она закатывает глаза. – Я даже поехала к родителям, потому что не хотела обсуждать это по телефону. Я была абсолютным параноиком.

Добро пожаловать в клуб.

– Что сказали твои родители?

До настоящего времени ни одна из этих видеозаписей не была в действительности использована. Одно только знание о том, что они существуют, держит в узде каждого Ворона и каждого Льва.

Я глубоко вздыхаю, потому что мне нужно знать, что она об этом думает.

– И тебе нормально, что таким образом тебя могут шантажировать?

То, что ее улыбка полна скорее отчаяния, нежели искренности, говорит мне все. Но я рада узнать, что она не слепо повинуется всему, как некоторые другие.

Например, Бриттани, Шерил и Лора, которые как раз сейчас своим печатным шагом нарушают тишину столовой. И, конечно, останавливаются рядом с нами.

– Наша идеальная пара помирилась? – нараспев спрашивает Бриттани слащавым голоском, который вызывает у меня тошноту. – Или ты просто хотела избавиться от этого лохматого парня? Понимаю тебя!

Эти трое способны даже далай-ламу довести до белого каления. В их случае я сразу поверю, что они будут исполнять любой приказ и за одно только имя Ворон сделают все, не думая о последствиях. Бриттани и Шерил – студентки второго курса. Я мысленно помечаю, что нужно расспросить о Беверли каждую из них, как только застану их одних. Этот план – наличие какого-либо плана, пусть даже такого, взятого с потолка, – позволяет мне дышать свободнее, и я приободряюсь, в то время как Диона уже переходит в наступление.

– Ты о Бэрроне? Он все-таки не настолько плохо выглядит по утрам. – Она отвечает гаденькой улыбкой на шокированный взгляд Лоры, которая явно

сильнее привязана к своей партии Бэррону, чем хочет это признавать.

В такие моменты – когда Диона платит этим девицам их же монетой – мне становится жутко. Когда она снова поворачивается ко мне, ее усмешка становится искренней, глаза весело блестят, и ей стоит труда не лопнуть от смеха – которым я сразу заражаюсь так, что чуть не захлебываюсь своим латте.

Я планирую до обеда, как каждую неделю, за исключением прошедшего воскресенья, поговорить по «Скайпу» с семьей. Моя младшая сестра Фиби принимает вызов, и на заднем плане я вижу постеры на стене над ее кроватью. Пользуясь тем, что одна, она допрашивает на свою любимую тему – на которую я сейчас абсолютно не хочу говорить.

– Кара, черт возьми! Ты просто обязана подробнее рассказать мне о Джошуа Прентиссе. Моим подругам не терпится узнать новости. Как он целуется? Ты уже ночевала у него? Благодаря тебе я стала настоящей знаменитостью! Здесь каждый в курсе о вас. Ты его уже фотографировала? Я еще жду подтверждений, что фото в сети не фейк.

Фиби говорит без умолку. Я периодически открываю рот, чтобы ответить или сменить тему, но у меня просто нет шансов. Время от времени даже ее изображение подвисает, потому что соединение не поспевает за быстрыми движениями ее губ.

– Все кончено! – я наконец прерываю этот поток слов.

Она поперхнулась следующим вопросом и закашляла. – Почему? Он твой сказочный принц!

Мое выражение лица означает «Серьезно?»

Она пожимает плечами.

– Черт подери, это Джошуа Прентисс. Ты не можешь попридержать его хотя бы до Рождества, чтобы я смогла с ним познакомиться? Это всего лишь четыре недели!

– Ты самая эгоистичная младшая сестра, которую только можно представить! – Смеясь, я откидываюсь на спинку кресла для чтения, которое мне предложила Валери и от которого я не смогла отказаться. Это самое удобное кресло на свете. Подставка для ног идеально настраивается через приложение, а функция массажа – просто огонь. Я бы в этой штуке жила, если бы кровать не была столь же удобной.

– Мне остается только мечтать, – говорит она наигранно печальным тоном. – Ты в самом крутом общежитии мира, пока я торчу дома в своей комнате. Это так несправедливо! – Она громко вздыхает, крепко обнимая свою подушку.

– Ты на два года младше меня. Дай себе еще немного времени и закончи сначала школу, тогда тоже сможешь здесь учиться, если захочешь.

Фиби бросает свою подушку на ноутбук, раздается скрип, а картинка исчезает.

– Фи? – кричу я и инстинктивно выпрямляюсь.

Эти дурачества и контакт с моей семьей удержали меня в реальности и помогли пережить время, когда Ханна в своем стремлении сделать тайну вокруг Джоша отдалилась от меня – или я в своем стремлении сделать тайну вокруг Воронов отдалилась от нее. Без своей семьи я бы свихнулась. Поэтому я чувствую облегчение, когда снова вижу лицо Фиби.

– Признайся, ты испугалась. – Она смеется, пока сбегает вниз по лестнице с ноутбуком в руке, так что меня едва не начинает тошнить, прежде чем садится на диван рядом с родителями, чтобы мне было видно сразу всех. Однако Фиби снова наклоняется вперед и таким образом занимает большую часть зоны обзора видеокамеры. Так я могу видеть, как она подергивает бровями или закатывает глаза, пока я сообщаю родителям самую актуальную информацию. Их глаза блестят от слез, когда они узнают, что я получила стипендию. Благодаря этому они смогут оплатить крупные кредиты, а моя двоюродная бабушка Мари сможет погасить ипотеку на покупку своего дома. Только по их облегчению я вижу, насколько они переживали по этому поводу. Ради моей мечты они влезли в долги.

Мои глаза тоже горят. Семья показывает мне, что всегда есть кто-то, кто на моей стороне, к кому я могу прийти. Причина, достаточная для того, чтобы

достать дневник счастья и после разговора по «Скайпу» внести в него первую за долгое время запись:

Счастье – это... когда у тебя есть кто-то, к кому ты всегда можешь вернуться и получить поддержку.

Довольная собой, я пролистываю страницы, которые заполняла со своего приезда в Уайтфилд, и зависаю то на одном, то на другом предложении.

Счастье – распознать его несмотря на то, что оно прячется между печалью и плохим настроением.

В тот день я ужасно поссорилась с Ханной из-за Воронов. Потому что она мне не доверяла и не рассказала о том, что Джош – ее тайный источник информации.

Счастье – это преодолеть то, чего боялась.

Запись по случаю Ночи Пар. Оглядываясь назад, я могу над этим только посмеяться. Потому что тогда я ничего не преодолела, скорее наоборот! В ту ночь все только начиналось!

Счастье – это... когда легкое, как перышко, прикосновение заставляет сердце биться чаще.

Когда я вспоминаю, мурашки пробегают по телу. Джош разъяснял мне функции смарт-часов, и показатель частоты сердечных сокращений чуть не взорвался, когда он шептал мне на ухо и при этом нежно проводил пальцами по моей руке. Сегодня я все еще злюсь на свое предательское сердце, которое купилось на его вранье, черт возьми. При этом в течение всего того времени он думал о другой женщине, искал другую женщину. Только из-за нее он вообще в Колледже Святого Иосифа. И несмотря на это, мой мозг настолько глуп, что именно сейчас запихивает в мое сознание его голос. Так ясно и четко, будто он рядом. Проклятье. Инстинктивно я поднимаю голову, вслушиваясь в том направлении, откуда доносится его воображаемый голос, и пристально смотрю на встроенный шкаф и стену со стороны лестничной клетки.

Ханна всю неделю советовала мне объясниться с ним, обо всем поговорить и принять его извинения. Но я слишком упертая и не способна пока признать, что дала маху, когда запала на его милую улыбку и хорошие манеры, как малолетка. Но когда-нибудь мне все же придется объясниться с ним, и я надеюсь, что к тому времени сердце не будет так быстро стучать при каждой мысли о нем.

Но сначала я, с предплечьями в мурашках, осматриваю сверху донизу стену за старым, больше не используемым камином у шкафа. Моя паранойя интерпретирует каждый шум старых стен и кряхтение деревянных конструкций как царапанье и блуждание тени, которая подкрадывается ко мне, чтобы предать меня, как и все остальные.

Глава 4

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 29.11.

Желание убежать сразу, как только я постучала в дверь, – непреодолимо. Я стою перед темной деревянной дверью апартаментов Тайлера – назвать их комнатой общежития было бы сильным преуменьшением – и чувствую биение своего сердца вплоть до изгиба шеи. Неважно, как часто я глотаю, ком в горле остается.

– Быстро, зайди и выйди, – говорю я тихо сама себе, как и всю дорогу сюда.

Я слышу шаги с той стороны двери. Желание убежать усиливается, мой взгляд мечется в поисках какого-нибудь выхода – и останавливается на ботинках у соседней двери, которые в идеальном порядке оставлены на коврике, который совершенно точно не лежал там всегда. Квартира рядом принадлежит Джошу. С тех пор как он переехал в Особняк Львов, где также есть охрана, его телохранитель Джейс живет в ней один. Я вспоминаю вечер, когда это обстоятельство уберегло меня от того, чтобы вылететь из Воронов.

– Джош все время присматривал за тобой, – слышу я в ухе голос Ханны. Наверное, так и было. К сожалению, он не позаботился о том, чтобы при этом нечаянно не вырвать мое сердце из груди. Но у него и не было задачи

присматривать за моим сердцем, только защищать меня от опасностей – при этом сам он был одной из них.

Шаги за дверью стихают, и я на мгновение подумываю развернуться и помчаться вниз по лестнице, как в детстве. Но выпускаю из себя эту глупую идею с продолжительным вдохом и направляю взгляд на то место, где скоро объявится Тайлер.

– Ты что, еще спал? – вырывается у меня вместо приветствия.

Тайлер выглядит так, будто, вырванный из своих сладких снов, ошупью добрел до двери. Его темные волосы стоят дыбом, привычная трехдневная щетина почти превратилась в окладистую бороду, а веки наполовину закрывают карие глаза. Под ними, обрамленные волосами бороды и головы, лежат темные тени, как плохо снятая тушь. Голый торс, пирсинг на правом соске пробуждает воспоминания, которых я не хочу. Я быстро поднимаю глаза.

Тайлер потирает лицо. Затем вытягивает руку и опирается о светлую дверную раму, будто не может удержаться на ногах. При этом его мускулатура танцует под загорелой кожей, притягивая мой взгляд, как магнит.

– Я пришла забрать свои вещи, – произношу я нейтральным тоном.

Тайлер разглядывает меня из-под полуопущенных век.

Пытаюсь протиснуться мимо него, но его рука молниеносно перекрывает проход, так что я наталкиваюсь на нее. Я чувствую дыхание Тайлера на коже. Его шепот ощущается как прикосновение.

– Что случилось, К.? – Он громко сглатывает. – Мы переспали, это... Если ты больше не хочешь, я пойму, но наша дружба значит для меня слишком много, чтобы я...

Я поворачиваюсь к нему, наполненная несметным числом мыслей, которыми я бы охотно дала ему отповедь. Все комом сбивается в одну искусственно звучащую конструкцию, которую я механически произношу:

- Нам не следовало этого делать. Это была ошибка.

Тайлер резко выдыхает, медленно кивает и отходит. Я иду по коридору в сторону гостиной, где меня подстерегают воспоминания о прошедших выходных. Они обрушиваются на меня, как только я вижу диван и книжную полку. Они выводят меня из равновесия, и я спотыкаюсь о собственные ноги.

- Вещи у меня в спальном комод, - говорит Тайлер.

Я игнорирую тональность его голоса. Он звучит подавленно, что вызывает рефлекс захотеть его приободрить, но этого я не могу себе позволить.

Он быстрым шагом выходит из комнаты. Это мой шанс. Я бегу к книжной полке и торопливо провожу рукой по тесно прижатым друг к другу книжным корешкам в поисках книги, которая могла бы все доказать. Но ее там больше нет. Может, Тайлер заметил, что я...

- Ты ищешь что-то конкретное?

Удары сердца грохочут в ушах, дрожь пробегает по спине, я приподнимаю уголки рта, прежде чем обернуться. Тайлер смотрит на меня из прохода, непринужденно прислонившись к штукатурке.

- У тебя впечатляющая коллекция классической литературы, - говорю я сдавленным голосом. Может, он меня видел и на прошлой неделе и теперь знает, что я напала на его след в деле Беверли?

Тайлер отмахивается.

- Мой отец боготворит Шекспира и придерживается мнения, что в каждом хорошем британском доме должны быть все его сочинения. - Он закатывает глаза. Это его так безумно молодит, что мой желудок сжимается.

- Ханна тоже боготворит Шекспира, - бормочу я скорее самой себе, чем ему. Только благодаря ее одержимости мы с Джошем справились с одним из заданий во время стадии подбора пары. Отец Тайлера, бывший посол, тоже когда-то был Львом? Он подсунил Тайлеру классику как скромную помощь? Его позиция,

возможно, указывает на это.

– Твои вещи.

Тайлер подходит ближе со связкой блестящего белого шелка на руке – мое бальное платье по эскизам Дионы вместе с сочетающимися туфлями на высоком каблуке и дамской сумочкой. Я протягиваю за ними руки, но сдерживаюсь, чтобы не начать сразу искать Книгу Ворона, предложения из которой, написанные под моим именем, записаны в мой мозг: Эта Книга – твой членский билет. Если ты его потеряешь, у тебя его украдут или он пропадет каким-либо образом, ты лишаешься всех без исключения прав Ворона.

Максимально незаметно я пытаюсь нащупать его под горой блестящей ткани и едва могу утаить облегчение, когда под пальцами чувствую натуральную кожу и тисненного на окладе ворона.

Тайлер все еще стоит вплотную ко мне, так что я могу чувствовать его тепло.

– К., – говорит он тихим голосом, полным боли.

Мне не остается ничего другого, как поднять глаза.

– Если бы я знал, что... – Его кадык поднимается и опускается. – Если бы я знал, что ночь, проведенная вместе, уничтожит все, что было между нами, я бы никогда...

Он не может это выговорить, потому что это было бы ложью. С момента нашего знакомства – которое, по мнению Ханна, не было случайным, как я всегда думала – в воздухе между нами висело напряжение, которое однажды должно было разрядиться, неважно, форсировал он его или нет. Нам нечем было оказать ему сопротивление. Сейчас это обстоятельство – идеальная отговорка для меня.

– Для начала мне нужна дистанция, – произношу я и крепко прижимаю к груди платье вместе с сумкой и Книгой Ворона.

Тайлер глотает, потом кивает и отходит.

Медленно, еле держась на ногах я иду по коридору к выходу из апартаментов, хотя все во мне кричит, чтобы я бежала отсюда, как неделю назад.

– Я скучаю по тебе, К.

В его голосе слышится что-то, что заставляет меня замереть, и я поворачиваюсь к Тайлеру. Он протягивает руку, но сжимает пальцы в кулак, как будто ему приходится вынуждать себя не удерживать меня.

Мое сердце бьется о грудную клетку. Не знаю, от страха или неопределенной связи, которая с первого момента существовала между нами. Фи точно назвала бы это химией.

Я не могу ничего сказать, не выдав себя, не начав в ответ рыдать, что это он заманил меня в западню. Мне нельзя рисковать, чтобы он не натравил на меня тех, кто прислал ему эту фотографию. Поэтому просто киваю с крепко сжатыми губами, которые удерживают слова внутри.

Как только Тайлер закрывает за мной дверь, напряжение отступает. Я опускаюсь, опираясь о прохладную стену, и глубоко дышу.

Я резко поднимаю голову, когда слышу, как дверь открывается снова. Но ручка двери Тайлера не шевелится.

– Оставь ее, – слышу я нервно звучащий голос, который кажется мне слишком знакомым. Джейс, телохранитель Джоша и сосед Тайлера. Короткая борьба, дверь снова закрывается со щелчком.

Я посылаю Джейсу немую признательность, ведь только благодаря ему мне удалось избежать встречи со вторым парнем, который горько разочаровал меня. Я перевожу дух и отхожу от стены между двумя дверьми, чтобы наконец отправиться к Ханне. Мои шаги ускоряются. Прочь отсюда. Прочь от двух типов, которые играли с моим сердцем сквернее, чем Мейсон. Которые вырвали его из моей груди и потоптались на нем. Я никогда больше не допущу подобного.

Ханна встречает меня внизу у входа в здание, а не наверху у двери в их с Алиной квартиру. Она в считанные секунды отреагировала на мое сообщение с просьбой

о встрече. После того как я предложила увидеться после моего визита к Тайлеру, она чуть не свихнулась от волнения. Удивительно, что она не объявилась прямо перед общежитием Тайлера.

– Я так рада снова тебя видеть, – шепчет она и спрашивает после краткого объятия:

– Браслет и фото у тебя?

– Книги Льва там уже не было. Но, по крайней мере, мои вещи теперь у меня. – Я высоко поднимаю связку вещей, будто она могла не заметить платье, блестящее на солнце, словно бриллиант.

– Проклятье! С этой фотографией мы точно продвинулись бы дальше. – Ханна убирает за ухо свои темные волосы. – Алина, между прочим, здесь. – Она бросает взгляд на лестничную клетку за открытой деревянной дверью.

Кто-то позаботился о том, чтобы Алина вопреки своим планам приехала на семестр раньше, чтобы Ханна больше не могла оставить меня жить у себя. Поэтому предложение поселиться в Доме Воронов я в отчаянии приняла за чудо – а не за холодный расчет. Так по крайней мере утверждал Джош.

– Я хотела тебя перехватить и прогуляться с тобой. – Взглянув на поблескивающую гору одежды, она добавляет: – Но, наверное, нам стоит занести это наверх, иначе все подумают, что ты сбежавшая невеста.

Я смеюсь, но не могу отделаться от воспоминания, что в вечер бала я действительно выглядела как невеста, как и другие претендентки, которым удалось стать Воронами. Только Диона в своем наряде резко выделялась на общем фоне. Ее платье напоминало греческое одеяние и делало из нее настоящую богиню. Богиню с пламенно-розово-лиловыми волосами.

Мысль о Дионе и ее дружбе согревает меня. С бальной сумочкой в руках, в которой по-прежнему спрятана Книга Ворона, я жду у входной двери и разглядываю мерзкого жирного паука, пойманного в зарослях плюща муху. Муха дергается и пытается вырваться, но паутина только вибрирует и запутывает ее все больше. Судьба мухи еще никогда не представлялась мне такой близкой, как в этот момент.

Паук приближается к своей жертве. Я не хочу дальше смотреть на это и вытесняю сходство с моей ситуацией. Все же, в отличие от мухи, я не знаю своего противника. Я не знаю, в чьих руках все нити, и по-прежнему отказываюсь верить в то, что все в Доме Воронов и Особняке Львов ведут двойную игру. Мы должны выманить паука из его паутины.

Всякий раз, когда я думаю о своей ситуации, во мне, помимо Тайлера, отзывается еще одно имя: Келлан, глава Львов, который получает от Луки все новости из редакции «Сплетника», если можно верить утверждению Джейса. Но не обманул ли он меня, как своего босса? Кому я действительно могу доверять?

– Эй, Кара! – Ханна щелкает пальцами перед моим носом, и ее голос звучит так, будто она уже много раз пыталась обратить на себя мое внимание. Затем она отпрыгивает с перекошенным от отвращения лицом.

– Ааааа! – вскрикивает она, дергается и что-то бормочет о монстроподобном большом пауке.

Я усмехаюсь, потому что думаю о нашем общем детстве и о том, как часто спасала свою лучшую подругу от мерзких тварей. Как ни крута Ханна, а все, что имеет больше четырех лап, пугает ее сильнее, чем намного более опасные поиски информации об исчезновении Беверли.

Чуть позже мы опускаемся со стаканами кофе на одинокую парковую скамейку в удаленном Ист-Корте. Судя по темному дереву, она уже неделями не видела солнца, и поэтому, должно быть, ее, стоящую на уединенной дорожке между газонами, игнорируют гуляющие студенты. Влага сразу проникает сквозь мои джинсы, и холод с пятой точки взбирается вверх по спине.

– Она запостила новое фото, – говорит Ханна деловым голосом, который у нее совершенно не получается изобразить. Ее нейтральное выражение лица исчезает, когда она открывает «Инстаграм» и протягивает мне телефон. На экране улыбающаяся Беверли Грей. На заднем плане многочисленные белые колонны, которые будто стоят на ее руке. Геотег – Афины, а в здании поверх руки Беверли я узнаю Парфенон.

Фото определенно не селфи. Другой рукой Беверли держит платье, которое напоминает платье Дионы с бала. Впечатление, что у Беверли фотосессия на фоне Афин. Но сильнее всего бросается в глаза браслет с мелкой бирюзой, который свободно висит на ее приподнятом запястье. Браслет, который, согласно ее профилю в «Инстаграм», был изготовлен специально для нее – и который я обнаружила в Книге Льва Тайлера.

– Если ты посмотришь внимательнее, то обнаружишь, что тени лежат неправильно, – говорит Ханна и указывает на какое-то жалкое растение у нижнего края фотографии, которое отбрасывает четкую тень, а потом – на глубокое декольте Беверли, на котором не проявляется никаких теней от головы или груди. Ее опущенная вниз рука также не отбрасывает тени.

– Это может скорректировать даже бесплатное приложение для обработки фотографий, – говорю я не слишком уверенно, безотрывно смотря на браслет.

– Я знаю, поэтому и пытаюсь связаться с ней. Она отвечает на каждый комментарий. – Ханна пролистывает вниз и показывает мне, что имеет в виду. – Зато не реагирует ни на одно сообщение в «Директ». – Ханна открывает свои сообщения, и я вижу чат с сообщениями только от нее. – Так не только у меня, но и у Джоша тоже.

От этого имени у меня колет в груди. Предательство и злость, как кислота, насквозь прожигают жилы и наивное сердце.

– Самое внятное доказательство того, что с фотографиями, возможно, что-то не так, это браслет. Таким образом, скорее всего, это ее старые снимки. Если бы у нас был браслет, мы могли бы наконец пойти с ним в полицию и не прослыть сумасшедшими.

Я сглатываю слюну. Едва ли она могла яснее выразить, что только из-за меня у нас на руках ничего нет, даже если в ее словах нет и намека на упрек, а только бесконечная печаль, которая душит меня и пробуждает стремление сделать все, чтобы немного утешить мою подругу. Я откашливаюсь и обнимаю Ханну.

– Мы выясним, что с ней произошло. И у тебя будет свой эксклюзивный разоблачительный материал, с помощью которого ты привлечешь к себе внимание каждого, кому есть что сказать в мире репортажа. Пулитцеровская

премия тебе обеспечена! – Я поворачиваю ее голову, чтобы она смотрела на меня, и дарю ей самую ободряющую улыбку, на которую только способна в этот момент.

Она медленно опускает веки, мышцы челюсти напряжены. Улыбка, которую она пытается из себя выжать, жалкое подобие моей. Но неважно, как долго я на нее смотрю и пытаюсь, как раньше, проникнуть в ее мысли, я наталкиваюсь на препятствие, которое непреклонно противостоит мне.

Глава 5

ПОНЕДЕЛЬНИК, 30.11.

Колокол на часовне по ту сторону древних зданий Главного Двора оповещает о начале следующего часа. В первый раз за несколько недель я захожу в старую библиотеку, где многочисленные студенты предаются магии письменного слова. После того как меня приняли в Вороны, мне больше не нужно для поиска информации и учебы возвращаться в пахнущий кожей, чернилами и пылью читальный зал. Но когда я прохожу мимо студентов, сидящих за маленькими столиками, то ощущаю тяжесть потери. Может, это и приятно, когда тебе все приносят прямо к ногам – точнее, в Дом Воронов – но это просто не то же самое чувство.

Я медленно иду дальше, впитывая в себя впечатления. Пятна света, которые последние лучи солнца с обратной стороны сводчатых окон справа от меня наносят на старый деревянный пол и массивные темные полки. Пыль, что танцует в падающем свете и распространяет запах старых книг. Напряженная тишина, которая нарушается перелистыванием страниц.

Я подхожу к двери редакции «Сплетника». Стоит ее открыть, как из спокойного мира старой библиотеки меня затягивает в полнейший хаос. Музыка и громкие голоса оглушают меня, так что в первый момент я стою совершенно потерянная, пока какая-то студентка с всклокоченной кучерявой шевелюрой не бросает мне вслед свое «Тсс!» Я быстро захожу в помещение редакции и закрываю за собой дверь с, очевидно, хорошей звукоизоляцией.

Письменный стол, стол главного редактора, теперь явно не для одной Ханны. Когда я была здесь последний раз в начале семестра, она готовила первое издание «Сплетника» практически одна – в связи с чем я предложила ей свою помощь, хотя не собираюсь делать карьеру в СМИ. Теперь только на ее рабочем месте, расширенном за счет длинного стола, сидят еще две студентки, а из большой соседней комнаты, которой Лука Сантьяго прежде мог пользоваться один, доносится шум вечеринки. «Сплетник», совершенно очевидно, больше не испытывает недостатка в кадрах. Из-за этого мне кажется еще более дурацкой идея здесь – под носом у Луки – продолжать вести расследование, чтобы он докладывал Келлану или кому бы там ни было, насколько мы все здесь скучны.

Благодаря стипендии и дополнительным курсам в Доме Воронов у меня по факту есть еще и необходимое время на подобного рода игры. Какая ирония... Isn't it ironic... Я напеваю про себя мелодию песни Аланис Мориссетт и мыслями явно пребываю где-то в другом месте, так что кто-то наталкивается на меня.

– О, Кара, наконец-то ты здесь! – Лука стоит передо мной, нервно теребит слишком длинные рукава светло-серой рубашки и смотрит сияющими глазами.

Если смотреть непредвзято – не держа в голове, что он шпионит на Львов, – то выглядит он хорошо. Когда он улыбается, как раз как сейчас, его зеленые глаза не кажутся слишком блеклыми на фоне загорелого лица, а блестят, как лед на солнце.

Я ищу глазами Ханну, но ее нет ни на ее месте, ни среди студентов, которых я могу видеть с той точки, где нахожусь. После того как я здороваюсь с Лукой, он проталкивает меня в соседнюю комнату, где занят каждый стул даже у самой маленькой поверхности стола. Внутри слишком тепло и спертый воздух, здесь пахнет кофе, какой-то выпечкой и чипсами, которые стоят в маленьких пиалах в центре сдвинутых столов – главной рабочей зоны.

Лука замечает, как я морщусь нос, устремляется прямым к окну позади своего стола и распахивает его. Во время моего последнего визита стол еще стоял за дверью, так что Лука всегда имел возможность хорошо шпионить. Я бормочу свое «спасибо», и он, ухмыляясь, кивает мне.

– Ты будешь сидеть рядом со мной, – объявляет он и указывает на складной стул рядом со своим креслом с мягкой обивкой и подлокотниками.

Моя попа болит от одного только взгляда на него, и я подумываю о том, чтобы вернулись времена джентльменов. Но со вздохом ставлю свою сумку у стены под окном и опускаюсь на стул. Не плюхаюсь на него, а опускаюсь, потому что не уверена, что он не сломается под моим весом. Лука, забавляясь, наблюдает за моими телодвижениями, при этом поудобнее устраиваясь в своем кресле.

Когда я убеждаюсь, что складная штукавина подо мной выдерживает, я спрашиваю Луку, который все еще ухмыляется:

– Где Ханна?

– Встречается с каким-то очень важным информантом. – Он закатывает глаза.

От Ханны я знаю, что Лука изучает журналистику, но после этого жеста спрашиваю себя, делает ли он это добровольно или просто идет по чьим-то стопам. В конце концов, не он первый. За Тайлера специальность тоже выбрал отец. Я ненадолго закрываю глаза, чтобы умерить жжение, и продолжаю, обращаясь к Луке:

– Она оставила мне какое-нибудь поручение? – Я смотрю на неупорядоченную стопку газет и распечаток передо мной и до последней секунды надеюсь, что я не...

– Ты наш новый новостной фильтр, наш «взгляд на весь остальной журналистский мир».

Для парня он слишком хорошо имитирует голос Ханны, чтобы я могла остаться равнодушной. Я невольно начинаю смеяться.

Он прикусывает губу и тихо шепчет:

– Извини.

В течение следующего часа я пробираюсь сквозь гору информационных сообщений со всего мира и передаю Луке то, что мне кажется достаточно интересным, чтобы быть упомянутым в онлайн-версии «Сплетника» – за которую отвечает Лука. Каждый раз, когда его мобильник, мягко вибрируя на столе,

сигнализирует о новом сообщении, я наблюдаю за ним. Почти всегда лицо его проясняется. Что бы он ни писал, это отражается на его мимике, словно последовательность смайликов. Фиби такая же. Даже в наших видео-чатах на ее лице виден весь спектр эмоций.

То, что они так безумно похожи друг на друга – пусть даже только в этом – делает со мной что-то странное. Я вижу перед собой свою младшую сестру, и во мне просыпается что-то вроде инстинкта защитника, который снова и снова задает один и тот же вопрос: как мы можем всерьез подозревать Луку в том, что он шпионит на Львов?

Звук моего мессенджера прерывает мысли. Несмотря на то, что я скорректировала свое мнение о нем, я забочусь о том, чтобы Лука не видел мой дисплей. Я открываю сообщение от Ханны.

Сегодня уже не успею в редакцию. Лука в курсе. Если у тебя есть время, буду рада, если ты заглянешь ко мне в общежитие.

Сообщение звучит жутко формально, так что какое-то время я раздумываю, точно ли Ханна его написала. Только следующее сообщение убеждает меня, что ее телефоном никто не завладел.

Я купила эклеры у Евы.

И еще одно:

Много эклеров.:-)

Я быстро печатаю ответ. Потом завершаю свою работу на сегодня, прощаюсь с Лукой и направляюсь к общежитию Ханны. Нехорошее чувство, как отзвук шагов среди старых зданий, преследует меня, пока я иду по более короткому пути через внутренние дворы других общежитий.

Окутанная лучшим в мире ароматом, Ханна открывает мне дверь.

– Ты купалась в эклерах? – спрашиваю я со смехом и принохиваюсь, пока иду вслед за Ханной на кухню. На маленьком столе у стены стопкой лежат пакетики из кондитерской Евы.

Как раз когда у меня перед носом любимое лакомство, желудок связывается узлом. У меня что-то вроде дежавю. Тогда были испеченные печенья. Горы печенья. Так много, что они покрывали собой весь стол.

Я сажусь и жду исповеди Ханны. Чтобы ей было легче, сосредотачиваюсь на эклерах со сливочной начинкой. На третьем наконец раздается голос Ханны.

– Я расследую исчезновение Беверли не для статьи и не для Джоша.

Я смотрю ей в глаза, однако не давлю на нее. Ханна замыкается, если на нее нападают. Давлением из нее ничего не выжмешь. Она теревит одну из бумажных упаковок. Шорох заполняет напряженную тишину между нами.

– Мы с Беверли были вместе.

В один миг мимо меня проносится другая реальность. Напротив меня сидит не взрослая Ханна-репортер, а более юная ее версия. Девочка, которая среди горы печенья открыла мне, что ей не нравятся мальчики. Ханна, которую после ее каминг-аута постоянно оскорбляли, и которая дистанцировалась от всех – за исключением меня. Ханна, которая в Колледже наконец смогла стать другим человеком и создать себя заново. Ханна, которая, похоже, в первые свои дни в Уайтфилде познакомилась с кем-то: с Беверли Грей.

Во рту ощущается горечь, которую я сглатываю и идентифицирую как ревность или зависть. Я желаю Ханне только лучшего, но мысли о Беверли рука об руку идут с мыслями о Джоше, которых я себе как раз не могу позволить. Не хочу позволить. Я быстро засовываю в рот следующую порцию выпечки и жду, пока Ханна будет готова говорить дальше – что переходит в соревнование «кто кого пересмотрит». Только без хихиканья и приступов смеха, как раньше. Мы больше не дети, а взрослые, отшлифованные и помеченные жизнью и предыдущими отношениями.

Ханна опускает взгляд на, между тем, уже разорванный бумажный пакет в своих руках, когда продолжает.

- Мы встретились с Беверли случайно в ее первый день здесь.

Она медленно качает головой, ее темные волосы рассыпаются по плечам. Несмотря на это, мне видна печальная улыбка на ее губах.

- Это было на самом деле банально. Она стояла у фонтана перед главным зданием. Солнечные лучи застревали в маленьких капельках и заставляли их буквально сверкать. - Глубокий вдох. - Она выглядела так, будто была в растерянности и нерешительности, стоит ли осмелиться и войти. Я подошла к ней и спросила, не нужна ли ей помощь.

Я воображаю, какой потерянной может выглядеть самая милая девушка, которую я когда-либо видела. Девушка с неизменной улыбкой на всех тех фото в «Инстаграм». Но сделать это не удастся.

- Она обернулась ко мне, и внезапно я очутилась в другом мире.

Я не решаюсь произнести, что прежняя Ханна все без исключения фильмы и романы, которые рассказывали о любви с первого взгляда, считала преувеличенными и безвкусными. Но есть ощущение, что ее мнение изменилось.

- Я проводила Беверли на регистрацию, и сразу после этого мы обнаружили кондитерскую Евы. - Ее взгляд скользит по многочисленным пакетам с логотипом кондитерской. - Остаток дня мы провели вместе, как и несколько следующих дней. Она постоянно рассказывала мне о своем друге, о прошлой жизни. Я же игнорировала покалывание в животе и учащенный пульс. Я просто хотела быть рядом с ней. - Меланхоличный вздох, сопровождаемый ароматом эклеров, проносится над столом. - Она сама неожиданно поцеловала меня. - Короткий смешок. - Я как раз поведала ей о своей мечте: когда-нибудь воздать должное всем тем мужественным женщинам, которые являются образцом силы и солидарности. Сначала она рассказала мне, что ее друг - сын моей фаворитки Мишель Прентисс, в следующий миг я ощутила ее губы на своих губах. Это было... - Ханна закрывает глаза, как будто проживает этот момент еще раз, - умопомрачительно.

Она откашливается – и следующее предложение стирает мечтательность и счастье в ее голосе. Она смотрит на меня с таким серьезным выражением лица, что я автоматически распрямляюсь.

– Потом ее пригласили в Вороны.

Мои предплечья покрылись мурашками, напряжение стало почти осязаемым. В то время как я еще пытаюсь понять, какие последствия вступление в Вороны имело для них обеих, Ханна опережает меня.

– Тайлер Уолш был парой Беверли.

Воспоминания о моей Ночи Пар в считанные секунды проносятся перед моим внутренним взором. Быстрые свидания. Дурацкие игры. Бал-маскарад. Джош. Плюшевые наручники.

Голос Ханны пропитан горечью.

– Тайлер Уолш, сын бывшего посла и перспективного лондонского политика, главный красавчик империи. Конечно, он нацелился на симпатичную американку, и одному Богу известно, кого подкупил, чтобы стать ее парой. – Далее следует горький смех, полный накопившихся чувств, так что я едва узнаю Ханну. – Она держала его на расстоянии, только выполняла вместе с ним задания, но ведь сюда относилось и то, что они изображают пару.

Взгляд, которым она меня одаривает, жалкое подобие испытующего взгляда прежней Ханны. Приподнятой бровью она совершенно точно намекает на мои фейковые отношения с Джошем, но в глазах ее мерцает боль.

– Он все настойчивее приставал к ней, видел в этом вызов ее покорить. Во время стадии отбора претендентов отношения вне сообществ Львов и Воронов запрещены, а в случае с Беверли добавилось еще и то, что ее мама... – Ханна несколько раз глотает, прежде чем продолжает, – ее мама очень радовалась, что она наконец познакомилась с парнем. С кем-то, кто ее достоин. – Ханна моргает, и слезы показываются на глазах, одна из них скатывается по щеке. – Я подыгрывала и при этом видела, как Вороны все больше и больше претендуют на нее. Как она, не считая нескольких сообщений, все больше от меня дистанцировалась, чтобы я «не попала под перекрестный огонь сексистского

маразма», который царит в кампусе. – Она прикусывает нижнюю губу и набирает воздух. – Ей нужно было продержаться выходные. Уик-энд по случаю отбора претендентов вместе с балом в честь вступления в братства проходил где-то на побережье в графстве Норфолк. Я уже все подготовила к ее возвращению в воскресенье, хотела ей сказать, что на самом деле испытываю к ней, что мои чувства выходят далеко за рамки флирта или исследования моей сексуальности, но она... – Голос Ханны надламывается, и вместе с ним – мое сердце. – Она не вернулась.

Я обхожу стол и прижимаю к себе Ханну. Она наваливается на меня. Рыдания сотрясают ее тело. Ее боль осязаема. Ее первую настоящую любовь забрали, и я наконец понимаю, почему она никогда не верила, что Беверли просто куда-то уехала.

– Почему ты прождала год и только сейчас стала разыскивать ее?

Ханна высвобождается из моих объятий, вытирает с лица слезы и убирает прядь волос за ухо.

Когда она не отвечает, я объясняю ей, что имею в виду:

– Вы явно очень понравились друг другу, между вами было что-то особенное и прекрасное, я не понимаю...

Слезы вновь текут из уже покрасневших глаз Ханны.

– Они превосходно все инсценировали. Я услышала разговор двух новоиспеченных Воронов. Я думала, это было чистой случайностью, ведь я знаю эти пренебрежительные взгляды, которые бросают в мой адрес только потому, что меня не интересуют мужчины. Они беседовали обо мне, о том, каким трудным было испытание у Беверли: соблазнить девушку – и о том, что она не справилась с ним до конца.

Я слышу, как сердце Ханны вновь разбивается, пока она шепотом не признается мне:

– Ужаснее всего то, что я поверила им. Что посчитала себя ничего не стоящей. У меня перед глазами постоянно были эти картинки. Беверли с ее другом. До этого я верила, что это была платоническая дружба, а после заявления этих двоих я загуглила ее. Беверли известна в США. У нее постоянно были отношения с какими-то сыновьями знаменитостей. Она была с ними на разных вечеринках. Мне быстро стало понятно, что я здесь никогда не могла конкурировать на равных. Что эти две твари были правы, и что я не была достойна.

Я снова притягиваю Ханну к себе. Ханну, самого значимого человека в моей жизни, которая буквально освободила меня из сетей бывшего и всегда уверяла, что он меня не заслуживает. Теперь и из моих глаз хлынул нескончаемый поток слез. Я держу Ханну очень крепко и пытаюсь наверстать все то, что упустила за последние недели, потому что не доверяла ей. Я самая паршивая подруга на свете.

– Почему ты не позвонила мне и не рассказала?

– Потому что... – Ее голос прерывается. – Потому что я казалась себе ужасно глупой и не могла так опозориться. Ты как раз собиралась подавать документы сюда, в Уайтфилд, после того как я так все расхвалила, и я не хотела, чтобы ты передумала. Я хотела, чтобы ты была здесь, рядом со мной, как раньше.

Мы еще целую вечность сжимаем друг друга в объятиях, вместе оплакиваем упущенное время и все неверные решения, пока слезы Ханны не иссякают.

Наконец я нахожу в себе смелость задать один вопрос:

– Что заставило тебя поменять свое мнение?

– Джош. – Пауза. – Джош пришел ко мне и рассказал, что Беверли меня любила. Он и был тем другом, о котором она упоминала, ее лучшим другом. Они были невероятно близки. Он убедил меня в том, что она никогда бы не исчезла просто так.

Оставшуюся часть истории я знаю, но теперь я все вижу в другом свете.

– Я так часто была близка к тому, чтобы все тебе рассказать, но Джош... – Я чувствую, как она за моей спиной сжимает руку в кулак. – Джош просил меня ничего тебе не говорить, потому что он не был с тобой знаком и не знал, насколько тебе можно доверять. Он не поверил мне, когда я клялась ему, что ты никогда не поставила бы свой интерес выше благополучия других. Он слишком беспокоился и был уверен, что ты окажешься в еще большей опасности, если будешь обо всем знать. Но у тебя уже было приглашение, и ты переехала в Дом Воронов. Было слишком поздно. Поэтому Джош предложил присмотреть за тобой вместе с Джейсом. В общем, я попросила его быть твоей парой.

Присмотреть за мной.

Мимолетные воспоминания об учащенном пульсе, спасительных поцелуях и его бесстыдной улыбке ощущаются на языке как горечь. Я долго глотаю, до тех пор, пока она не уходит.

В общем, я попросила его быть твоей парой.

Его тепло, забота, дрожь у меня внутри и вызов... все было просто игрой. Даже при том, что я об этом уже знала, эта фраза еще раз вырвала мне сердце. Я смотрю на сердце в упор, как оно лежит на старых половицах, запикиваю его обратно в грудь и надежно там запираю. Я не могу упрекать Ханну. Если бы я ее тогда послушала, все бы не зашло так далеко.

– Обещай мне, что ты поговоришь с ним, – просит она, но у меня не получается даже кивнуть. – Нам нужно сотрудничать, чтобы выяснить правду.

Спустя несколько часов и после всех эклеров я в темноте возвращаюсь в Дом Воронов. Бриттани и Шерил сидят у стойки во внутреннем дворе. Меня удивляет, что Лора не присоединилась к ним. Ненавижу этих двух токсичных девиц и вспоминаю их гнусные слова о Ханне в кафе...

Быстрыми шагами я подхожу к ним.

– Вы знаете Беверли Грей?

Застигнутая врасплох, Бриттани, морщась, отвечает:

– Кто же ее не знает? Она была парой Тайлера и, по слухам, во время отбора кандидатов у нее был роман с кем-то, кто не входит в сообщество. К счастью, все об этом узнали, и она, судя по всему, не стала Вороном.

Я могла бы поспорить, что Бриттани и Шерил были теми двумя Воронами, разговор которых Ханна случайно услышала. Они живут ради любой сплетни и, если им что-то подбросить, будут трепаться об этом бесконечно.

Вот только кто им наплел, что Ханна была якобы одним из заданий для Беверли?

Когда я задаю им этот вопрос, вижу, как в их головах крутятся колесики. Поэтому я уверена, что это соответствует действительности, когда Шерил говорит:

– Без понятия.

Я намереваюсь это выяснить.

Глава 6

ЧЕТВЕРГ, 3.12.

В последние два дня я скрупулезно вела наблюдение за Бриттани и Шерил. К сожалению, они не часто были вместе, потому что Дом Воронов превратился в хаотичную смесь из галереи, дизайн-студии и склада для, как мне кажется, всего на свете.

По версии Дионы, скоро состоится «самое большое событие для Воронов и Львов в сфере связей с общественностью»: Уайтфилдский благотворительный бал. Его каждый год организуют активисты Воронов и Львов, чтобы показать величие обоих сообществ и их готовность заниматься благотворительностью.

Несмотря на мою неприязнь, меня тоже захватывает атмосфера в Доме Воронов. Все везде блестит и сверкает. Материалы для предстоящего декорирования фонтанируют из ящиков, которые, как стены, стоят друг на друге во внутреннем

дворе. Каждый Ворон имеет свое поручение или присоединяется к группе организаторов. Кажется, что никто не спит, чтобы успеть выполнить всю работу. Учебные группы временно приостановлены, вместо этого идет шлифовка речей отдельных членов сообщества и планирование последних деталей. Все вовлечены в приготовления, будь то стипендиаты или Вороны вроде Дионы, чьи семьи присоединились к сообществу поколения назад.

Именно об этом чувстве общности Валери восторженно говорила мне в нашу первую встречу. Теперь, когда стадия отбора кандидатов, в ходе которой нас, новичков, держали на дистанции, осталась позади, я испытываю это на себе. И несмотря на весь страх, который все еще тлеет где-то глубоко внутри, это ощущение прекрасно.

Прежняя Кара убежала бы в ужасе, если бы ее обязали участвовать в организации такого большого события. Новая, расчетливая Кара видит преимущества во всей этой подготовительной суматохе, которая сейчас царит в Доме Воронов. Люди приходят и уходят, не только Львы – единственные, кто всегда имеет доступ в Дом Воронов, – курьеры, модели для показа Дионы, художники, которые будут участвовать в ивенте, и не в последнюю очередь бывшие члены сообщества, которым нужно добавить блеска собственному имиджу. За прошедшие дни я провела дюжину интервью для «Сплетника» – притом, что в большинстве случаев было бы достаточно просто поменять имя интервьюируемого. Каждый раз одни и те же поверхностные, будто заученные наизусть ответы.

– По какой причине вы оказываете поддержку Уайтфилдскому благотворительному балу?

– У меня есть большое желание поддержать тех, кому повезло не так, как мне.

Каждый раз мне стоило каких-то сверхусилий продолжать улыбаться и не поддаваться порыву закатить глаза, громко рассмеяться или переспросить, проявляют ли они свою добродетель так же и в остальное время года, или спонтанно открыли в себе социальную жилку исключительно в связи с колоссальным общественным весом этого мероприятия. Но, по крайней мере, я могу периодически допрашивать Шерил, которая фотографирует тех, у кого я беру интервью. Без Бриттани она тихая, даже застенчивая. К сожалению, она, похоже, действительно не имеет представления, кто в прошлом году распространил те слухи. Очередной тупик.

Мой будильник сегодня звенит раньше обычного, чтобы мы с Дионой могли спокойно позавтракать. Но та часть меня, которая верна привычкам, против раннего подъема и саботирует пробуждение, хотя вообще-то я настоящий жаворонок. Полусонная, я неуклюже выхожу из комнаты. Для того чтобы спуститься, я должна для начала протиснуться между двумя стойками одежды, поскольку Диона расширила свое рабочее место на весь коридор, вместо того чтобы воспользоваться свободными комнатами с другой стороны этажа.

Зевая, я иду к лестнице, когда мой мозг замечает какое-то движение. Но, поскольку мое тело, очевидно, еще пребывает в глубоком сне, я реагирую со скоростью ленивца. Ранним утром здесь никого не должно быть, потому что только мне и Дионе могло прийти в голову добровольно встать в пять часов утра. Немного адреналина, что я могу выработать в это время, пробуждает меня настолько, что я поворачиваюсь в сторону этого движения. Толстое ковровое покрытие в галерее поглощает звук моих шагов. Два мешка для одежды на стойке, которая стоит прямо у стены рядом с лестницей, слегка покачиваются, как будто кто-то их задел. Остатки усталости исчезают, как после инъекции адреналина, потому что я не вижу никого, кто мог бы вызвать это движение. Ладони становятся влажными, а сердце стучит так часто, что дыханию приходится подстраиваться. Я ускоряюсь.

Если я сейчас закричу, меня услышат другие Вороны? Я подумываю постучаться к Дионе, но исхожу из того, что она уже сидит за своим завтраком со смартфоном в руках и «следит за жизнью своих будущих клиентов, чтобы быть максимально подготовленной». Так она объясняет «копания в желтой прессе».

Я думаю об этом до тех пор, пока движение обоих мешков для одежды внезапно не прекращается. Кто-то прячется за ними, неподвижно застыв у холодной каменной стены рядом с подсобкой?

Я подхожу ближе. Медлю. Жду. Мой пульс зашкаливает. Собираю в кулак всю смелость, трясущимися пальцами отодвигаю в сторону мешки – и смотрю на пустую стену с узорами на обоях.

Громко выдыхаю. Все это делает меня параноиком! Запрокидываю голову, закрываю глаза и глубоко дышу, чтобы успокоиться. Что-то касается моих ног, обутых в плюшевые тапочки, и я кричу.

В то время как эхо еще только добирается до окон внутреннего двора, за которыми пока крошечная тьма, я вижу, как от меня удирает крошечная серая кошка. Она пронесется на лестницу и прыгает со ступеньки на ступеньку вниз. Чуть погодя, я бегу вслед за ней и ловлю перед первым этажом. Она мяукает, извивается и царапает своими гадкими когтями.

Диона впопыхах выходит из столовой.

- Что случилось?

Она замечает клубок шерсти у меня в руках, в чьих огромных черных широко раскрытых глазах можно растаять.

- Симба?

- Ты знаешь эту кошку? - спрашиваю я.

- Кота. Остин говорил, что ребята влюбились в него с первого взгляда, и сейчас Симба - новый талисман Львов. - Диона почесывает успокоившегося кота на моих руках и показывает на красные полосы, оставленные им. - Царапины нужно продезинфицировать. С незнакомцами Симба иногда обращается по-зверски.

- Как он здесь оказался? - спрашиваю я и решаюсь зарыться пальцами в мягкую серую шерсть Симбы. Раздается тихое урчание, подобное самому слабому уровню вибрации телефона.

- Он исследует окружающий мир. Это же совершенно естественно. - Диона пожимает плечами. - Я сейчас напишу Остину, чтобы ребята не волновались.

Она забирает у меня Симбу и вновь поворачивается к двери в столовую. Я иду за ней, и выясняется, что я, судя по всему, единственная среди Воронов не знаю Симбу. Майли, жемчужина Дома Воронов, бросается на кота, переходит на сюсюканье и обещает ему всякие вкусности с кухни. Прежде чем унести его, она обещает, что сейчас же организует мне мой латте и просит подумать, что я хочу на завтрак.

Мы с Дионой идем к нашему столу и садимся. Пока Диона пишет Остину сообщение, что Симба разгуливает здесь, я осматриваюсь во внутреннем дворе, который за вчерашний день изменился так же, как и весь Дом Воронов за последние дни. Вокруг красиво расставленных вдоль стен столов выстроены в ряды голые манекены без голов. И все же я чувствую, что они за мной наблюдают. Адреналин уже покинул мою систему кровообращения, и раннее время суток вновь дает о себе знать. Поэтому я вежливо отказываюсь от завтрака, когда Майли ставит на стол рядом с небольшой цветочной композицией мой латте.

Диона откладывает в сторону телефон.

– Посмотрим, когда Остин придет забирать малыша. Если бы я не будила его, он бы, наверное, постоянно опаздывал на занятия, хотя он их распределил так, чтобы не вставать «посреди ночи». – Она смеется и отбрасывает лиловую прядь за плечо. – Почему ты на меня так смотришь? – спрашивает она, смутившись, осматривает себя и смахивает с лица несуществующие крошки. Диона выглядит такой сильной и уверенной, и тем не менее ее так легко смутить.

– Вы ведете себя как старая супружеская пара, – говорю я.

К моему стыду, в моих словах слышится тоска. У Дионы есть то, что было у ее родителей – Ворона и Льва. Даже притом, что она всячески сопротивляется своим чувствам и постоянно утверждает, что они с Остином просто друзья. Я вижу свет в ее глазах, который со времен фазы подбора пар загорается каждый раз, как она упоминает его имя. Я готова поспорить, что они оба, будучи парой, противились развитию своих чувств, чтобы иметь возможность сконцентрироваться на поступлении в сообщества. Если бы Остин не стал Львом, сегодня они точно больше бы не общались друг с другом так тесно, потому что практически вся жизнь протекает внутри двух Домов. Мне, наверное, следовало это учитывать и не позволять приветливости Джоша усыпить мою бдительность. Тогда одна только мысль о нем не ощущалась бы как удар под дых.

– Кстати, о супружеской паре. Чем, собственно, занимается наш президентский сын? Я вчера видела его вместе с телохранителем. – Диона лукаво ухмыляется, приподнимает чашку и делает глоток, не спуская с меня светло-голубых глаз.

Диона, как и прежде, считает нас идеальной парой. К сожалению, я не могу ей объяснить, что на самом деле разъединило нас с Джошем. Несмотря на то, что я знаю, что она не имеет никакого отношения к исчезновению Беверли и так же неодобрительно относится ко всей затее с видеозаписями безопасности, как и я, я не могу – по крайней мере, сейчас – сказать ей правду. Вместо этого я разыгрываю перед ней роль отвергнутой, потому что Джош, согласно моему утверждению, был рад от меня избавиться.

– Мы с Джошем закончили наши фейковые отношения, – говорю я. – Во время фазы подбора пар мы были хорошей командой, но не более того. – В качестве наглядного пояснения, что больше сказать нечего, я делаю глоток из чашки.

– А как дела у Тайлера?

Я почти захлебываюсь своей молочной пеной.

Диона на мгновение морщит лоб.

– На этой неделе ты не проронила о нем ни слова. Кроме того, ты больше не ухмыляешься, глядя в телефон, из-за того, что он делает тебе аморальные предложения.

Я чувствую, как кровь отливает от лица.

– Почему ты сейчас вспомнила о нем? – произношу я, запинаясь.

Диона приподнимает правый уголок рта.

– Вчера он подошел ко мне в кампусе и спросил о тебе. – Она сжимает губы и ждет, что я скажу.

Я ничего не отвечаю, борясь с бушующими чувствами, с воспоминаниями о коже, влажной от пота, запахе Тайлера и прерывистых вздохах.

– Ведь сейчас между вами ничего не стоит, – продолжает она.

Я прикладываю большие усилия, чтобы не выпалить, что он имеет отношение к исчезновению одной студентки, и между нами стоит именно это обстоятельство. Диона сканирует каждое движение, я чувствую себя так, будто меня разоблачили и видят насквозь. Я сижу неподвижно и жду, к какому выводу она придет.

Она ухмыляется.

– Тайлеру Уолшу будет досадно, но, если для тебя запретный плод слаще других, нам, пожалуй, стоит поискать ему замену.

Я заставляю себя слабо улыбнуться и пожимаю плечами. Это мой шанс сменить тему.

Мне дали поручение подготовиться к аукциону. Валери хочет, чтобы я вела его, но я не умею.

– Конечно, ты умеешь, ты же крутая. А зачитать с карточек и пройтись по спискам не должно быть большой проблемой. Мы можем потренировать «раз, два, три, продано такому-то»... включая взмахи молотком, если хочешь. – Она ухмыляется по-кошачьи. Мне остается только закатить глаза в ответ.

– Кара! – Она становится серьезнее и кладет свою руку на мою. – Валери видит в тебе то, что вижу и я. Тебе не нужно прятаться в тени других, даже если ты сама этого хочешь.

Бинго. Так я прекрасно могла бы за всеми наблюдать.

Мой рот искривляется, я уже хочу ответить, но Диона настойчиво продолжает.

– Если ты всем своим существом не хочешь этого, поговори с Валери. Она бы никогда не стала никого принуждать к чему бы то ни было, ты это знаешь. Ну, по крайней мере, после стадии отбора кандидатов, – добавляет она следом.

Я набираю воздух, осознаю ее слова и вздыхаю.

– Ты права. Валери умеет распознать и поддержать сильные стороны других.

Я вспоминаю свою первую официальную встречу с Валери здесь, в Доме Воронов. До этого она была у меня в кафе, где я на тот момент подрабатывала, чтобы хоть как-то обеспечивать свою жизнь, и наблюдала за мной. Ощущение, что это было в другой жизни. Тогда Тайлер проводил меня до стены территории и передал в руки Валери, настоящей французской герцогини. Она произвела на меня впечатление с первого же момента, когда дала понять Лоре, такой же претендентке, как и я, что все Вороны равны между собой. Валери живет по принципам основательницы Фелиситас Рейвен. Она провела меня по Дому Воронов, побеседовала со мной во внутреннем дворе, и одна только мысль об этом сообществе сильных женщин, которое она мне в этот день представила, пробудила во мне желание быть его частью. Тогда я даже не знала о том, что в и без того гигантском пакете преимуществ членства в Воровах находится еще и полная стипендия. Однако воспоминание о том, кому я вообще-то должна быть благодарна за этот контакт, омрачает этот момент единения. Несмотря на то, что я все еще не могу по-настоящему осознать логику в объяснениях Джоша. Для нормальных людей вроде меня это звучит абсолютно нелогично: приводить в свой дом предполагаемого шпиона, да еще и щедро одаривать его. Но на балу по случаю вступления в братства Джош был абсолютно убежден в том, что Тайлер заманил меня в пряничный домик, чтобы откормить и при необходимости уничтожить.

– Не делай такое лицо, – Диона вытягивает меня из мрачных мыслей. – Быть ведущей не так ужасно, как ты думаешь. – Она улыбается, а ее глаза довольно блестят, будто она что-то замышляет.

Это означает, что все будет намного хуже, чем я могу представить.

Глава 7

СУББОТА, 5.12.

– Вы шутите! – Я в оцепенении смотрю на карточки ведущего, составленные командой по подготовке аукциона, перевожу взгляд на Диону, одетую в сшитый по ее эскизу наряд цвета сахарной ваты и собирающуюся внести последние изменения в одеяния моделей, не имеющие, как по мне, абсолютно никакой

связи друг с другом. Отсутствие общей концепции совсем не похоже на Диону.

Не могу сказать, почему я раньше не занялась аукционом, а слепо доверилась команде организаторов, куда входит и Диона.

На губах Дионы еще более дерзкая улыбка, чем у Фи в ее лучшие – или худшие! – дни.

– Ты никогда не спрашивала, что будет разыгрываться на аукционе.

– Потому что я исходила из того, что разыгрываться будет твоя коллекция, раз тыходишь в команду по подготовке аукциона! – Я так яростно размахиваю руками, что моя грудь норовит вывалиться из платья без бретелек, которое Диона подобрала для меня.

Она лишь пожимает плечами, так что сотни цепей розового цвета, из которых состоит ее платье, тихо покачиваются, будто живут собственной жизнью.

– Она и приблизительно не собрала бы тех пожертвований, что соберет настоящий товар. – Диона кусает розового цвета губы, покрашенные в тон корней ее волос. В радостном предвкушении она подергивает безукоризненно подведенными бровями.

Я как раз хочу ответить – предложить кого-нибудь другого для работы ведущим или в крайнем случае на коленях умолять о том, чтобы надо мной смилостивились, – как в огромную, переоборудованную в помещение для подготовки к аукциону спортивную студию парк-отеля, в котором ежегодно проходит Уайтфилдский благотворительный бал, входит Валери.

– Время пришло! – кричит она и хлопает в ладоши, будто все взгляды и так не прикованы к ней с момента ее появления.

Сегодня она снова выглядит ошеломительно. У Валери такие нежные черты лица, что я, не моргнув глазом, выбрала бы ее для роли девушки из аристократической семьи в историческом фильме. Даже в своем сегодняшнем несколько своеобразном платье от-кутюр, в котором она выглядит, как завернутая в золотую обертку конфета, она излучает благородство, которое,

должно быть, дается любой герцогине уже при рождении. Ее темные волосы длиной до подбородка уложены гелем, так что ничто не отвлекает от драпированного стоячего ворота, который образует единое целое с оборками на декольте.

С учетом убийственных шпилек она впечатляюще быстрыми шагами подходит к нам с Дионой и смотрит сияющими глазами, будто мы ее подарок на Рождество, полученный раньше времени. Но, может быть, ей просто нравится розовый, потому что Диона укутана в этот цвет от корней волос до ног.

– Вы выглядите просто потрясающе! – Взгляд Валери скользит по моей обнаженной коже до павлиньих перьев, которые, словно вихрь, обвивают узкую корсетоподобную часть платья, прежде чем ткань выше таза расширяется и каскадом из бирюзовых полотен низвергается до моих стоп, обутых в переливающиеся разными цветами сандалии.

Потом она поворачивается к Дионе.

– Ты готова?

– Разумеется, – отвечает она, подмигивает мне и оставляет меня вместе с карточками ведущего рядом с Валери, чтобы расставить своих моделей в нужном порядке. С той стороны двери через длинный коридор, который отделяет фитнес-студию от зала для мероприятий, уже слышится анонс «самого эксклюзивного показа мод, который когда-либо видела Уайтфилдская благотворительная программа».

– Я невероятно горжусь ею, – говорит Валери.

Я отслеживаю ее довольный взгляд, направленный на Диону, которая, как розовая молния, носится туда-сюда между своими моделями и в последний раз что-то поправляет на каждой из них.

– Ты знала, что она сначала отказывалась?

Я так быстро мотаю головой, что длинные цепочки из павлиньих перьев на моих ушах свисают на шею и запутываются в свободно висящей пряди моей высокой

прически. Я осторожно выпутываю их, пока вслушиваюсь в оценку Валери.

– Она так талантлива, но ее уверенность в себе на уровне улитки. При малейшем смятении она отступает. Непросто расти в тени великой женщины. – После небольшой паузы, во время которой Валери разглядывает меня, пока мне не становится почти неприятно, она добавляет:

– Ты выманила ее из ее домика, вытащила на солнце. Я благодарна тебе за это.

Я никогда не размышляла о том, почему Диону так легко заставить сомневаться в себе. Но, несмотря на любовь, которая чувствуется в каждом слове, я легко могу представить, что успех матери давит на Диону – неважно, происходит это сознательно или нет.

Я как раз хочу спросить Валери, что такого особенного я сделала, по ее мнению, как мужской голос объявляет:

– Желая приятно провести время за просмотром захватывающей дух первой коллекции Дионы Андертон, будущей звезды на небосклоне моды!

Оглушительные аплодисменты доносятся до нас. Пройдя по коридору, Валери через черный ход проталкивает меня в зал для мероприятий, где свет нескольких прожекторов, свисающих на длинных кабелях с высокого потолка, приглушен настолько, что мои глаза должны привыкнуть к полутьме.

Потом свет гаснет полностью. Начинает играть музыка, сразу за ней следует вспышка света, которая делает видимыми клубы тумана, парящие над сценой и подиумом между многочисленными столами. Затем вновь наступает темнота.

Мы находимся в задней части зала и, как и многие другие Вороны и Львы, вплотную прижались к стенам, чтобы не отвлекать внимание от Дионы.

Следующая вспышка. Появляется первая модель. Она открывает шоу плотно облегающим, по меркам Дионы почти неброским костюмом телесного цвета. В свете стробоскопа это выглядит так, будто по подиуму прерывистым шагом идет обнаженная женщина. Темнота. У следующей модели практически нет открытых участков кожи. Руки в перчатках, шею закрывает жабо, ноги скрываются под

широкой юбкой. С каждым следующим выходом Диона показывает больше. Она собрала воедино моду последних столетий и предлагает своего рода урок по истории моды.

Только при последнем выходе всех моделей без стробоскопического освещения становится ясно, что скрывается за всем этим. Модели преувеличенно накрашены, как на любом показе мод, но своей манерой держаться демонстрируют выросшее за столетия самосознание женщин. Только теперь бросается в глаза сгорбленная спина модели в историческом бальном платье и в противоположность ей уверенная, прямая осанка модели, демонстрирующей высокую моду, которая как раз делает поворот на предпоследнем месте в ряду.

Последняя модель в современной одежде, которая сойдет за повседневную, ни разу не показывала лица. Девушка смотрит в пол, ее темно-русые волосы закрывают ее лицо. Руки скрещены на груди. Когда она подходит к первой модели, которая выглядит почти обнаженной, мелодия музыкального сопровождения прекращается. Остается только бит, похожий на биение сердца.

Бум-бум. Бум-бум.

Последняя модель поднимает голову. Женщины смотрят друг на друга. Оценивающе, недоверчиво, будто в любой момент готовы наброситься, в их глазах упреки, а в моей голове пролетает множество замечаний, которые они могли бы высказать друг другу.

У тебя есть силы на изменения.

Почему ты не воспользуешься своим голосом?

В такт пульсации музыки они сближаются сильнее. Затем мелодия возобновляется. Момент позади. Мой пульс ускоряется от восторга. Этот показ мод демонстрирует в разы больше, чем просто симпатичные наряды. То, что создала Диона, невероятно. Я настолько потрясена, что у меня перед глазами все расплывается, и на них наворачиваются слезы.

В следующий момент я ощущаю нежное прикосновение чьей-то руки к моей, однако мой взгляд по-прежнему прикован к сцене. Мимолетное, успокаивающее прикосновение Валери, которая разделяет со мной свою гордость.

Счастье – это... умение испытывать гордость за других.

Модели проскальзывают за занавес, и с последним звуком музыки снова становится темно. Одно мгновение, потом второе. Маленькие свечи на столах гостей – единственный источник света.

Третье мгновение.

Затем зал разражается аплодисментами. Гости вскакивают со своих мест, ликуют, зовут Диону. Мне нужно с кем-то разделить радость от успеха подруги, и я поворачиваюсь к Валери – но ее уже нет рядом со мной. Для начала я смотрю на свою руку, которая, словно чужая, лежит в руке постороннего. Тыльная сторона кисти его руки усеяна тонкими царапинами.

Мое сердце замирает.

Мой взгляд скользит по сшитому на заказ черному смокингу к лицу Джоша, в то время как я отнимаю руку. Я глотаю, разворачиваюсь и исчезаю в ту же дверь, через которую вошла сюда с Валери. В коридоре я прислоняюсь к стене и глубоко дышу, наслаждаясь прохладой шершавых обоев. В течение недели я игнорировала все без исключения сообщения и звонки от него. Я снова и снова говорила себе, что с меня хватит. Он использовал меня, чтобы его приняли в сообщество Львов. Какого черта мое сердце не в состоянии следовать за разумом?

Слезы отчаяния и перенапряжения грозят пролиться. Я дрожу и делаю вдох, в то время как в конце коридора модели радостно окружают Диону и поздравляют ее с грандиозным показом. Вместе они перемещаются в комнату, где велась подготовка.

Счастье – это возможность испытывать его за кого-то другого.

Покончив со своими сомнительными эмоциями, я пытаюсь пройти к Дионе. Она светится ярче, чем недавние вспышки света, пока отвечает на многочисленные рукопожатия. Заметив меня, она протискивается ко мне и бросается в объятия.

– Это было что-то невероятное, Диона, – говорю я, и она прижимает меня крепче. – У меня мурашки по всему телу.

Диона всхлипывает. Чувству эйфории нужно как-то прорваться наружу. Я обнимаю ее сильнее. Дрожа, она переводит дух. Наверное, первый раз с начала показа.

Чья-то теплая рука тяжело ложится на мое обнаженное плечо, и все во мне судорожно сжимается. Лишь голос приносит избавление:

– Могу я тоже разок обнять Диону?

Я выпускаю свою подругу из объятий и улыбаюсь Остину.

– Она теперь знаменитость. Что я получу за это? – Мой голос еще дрожит, в то время как по телу разливается настоящее облегчение от того, что передо мной партнер Дионы, а не Джош.

Остин вскидывает свою бровь с пирсингом и убирает за ухо единственную афрокосичку, не стянутую в узел на затылке. Этот момент длится какую-то миллисекунду, тем не менее, я чувствую себя пойманной и быстро отворачиваюсь. Пока Остин обнимает Диону, а она, смеясь, жалуется, что он гладит ее по голове и разрушает прическу, модели расходятся, берут с подноса по бокалу шампанского и пьют за удавшийся показ.

– Думаю, сейчас тебя попросят на сцену. – Диона тормозит меня и возвращает в ослепительно яркую реальность, в которой как раз объявляют, что шоу Дионы могло бы оставить в тени даже гвоздь программы благотворительного бала. По тембру голоса я слышу, как Валери ухмыляется.

– Многоуважаемые гости, сейчас самое время раскошелиться и приготовить таблички с вашими номерами, указанными в списке. Ведь в этом году мы предлагаем на аукционе небывалые ценности. Давайте вместе поприветствуем ведущую аукциона: мисс Кару Эмерсон!

Раздаются вежливые аплодисменты, в то время как Диона выпихивает меня в коридор и проталкивает в дверь, так что я оказываюсь всего в двух шагах от

светового пятна прожектора, направленного на кафедру для спикера.

- Ты справишься! - кричит Диона мне вслед.

Аплодисменты прекращаются, когда я подхожу к Валери, которая с учтивым поклоном уступает мне место у микрофона и при этом сверкает в свете прожекторов, как отполированное до зеркального блеска золотое украшение.

- Тебе понадобится твой номер, чтобы самой предлагать свою цену? - спрашивает она меня и ненадолго поднимает одну из светящихся табличек, что я видела у гостей. - Я бы тогда ненадолго взяла на себя роль ведущей.

Если бы не было слишком непристойно подмигивать, она бы гарантированно сделала это в тот момент. Ее губы складываются в лукавую улыбку.

До этого я уже видела свое имя в списке с номерами участников, но от растерянности по поводу товара для аукциона была не в состоянии выяснить причину этого, и теперь быстро качаю головой. Валери берет с собой мой номер и исчезает за занавесом у края сцены. Только теперь я осознаю, что на меня смотрят все эти темные призраки в море из горящих свечей внизу. У меня получается разглядеть, что на моей программе, стоя у противоположной стены, присутствуют все Львы и Вороны, которым как раз сейчас не надо делать ничего другого - как прежде мне на показе мод Дионы.

Я откашливаюсь, улыбаюсь максимально сияющей, уверенной улыбкой из всех возможных и сопротивляюсь порыву подтянуть платье без бретелек. Мои руки дрожат, так что, пока я приветствую гостей, откладываю свои карточки ведущей на трибуну.

- Вы наверняка не хотите дольше ждать и готовы составить общее впечатление о товаре, - читаю я с первой карточки, которая звучит безобидно. Этим я заслуживаю смех, который будто в танце разносится по залу.

Вторая карточка как раз и явилась виновницей того, что некоторое время назад я уронила всю стопку и мне пришлось сортировать все заново.

– Поприветствуйте вместе со мной сегодняшней ассортимент ваших потенциальных спутников на остаток вечера – или на более долгий срок.

Ремарка: подмигнуть или вскинуть бровь. Я выбираю последний вариант, который едва ли не переходит в закатывание глаз, и до меня доносится «Уууууу!», источник которого мне слишком хорошо известен. Диона.

Я пытаюсь высмотреть ее в задней части зала, однако фигуры, которые стоят в сумеречном свете, едва ли можно отличить одну от другой – женщины в сногшибательных вечерних платьях и мужчины в смокингах. Спереди стоят Львы, которые ждут, когда смогут по подиуму подойти ко мне.

Назвать атмосферу напряженной было бы сильным преуменьшением, и я спрашиваю себя, как такое возможно, чтобы, очевидно, все присутствующие здесь успешные женщины настолько горели желанием купить себе совершенно незнакомого молодого парня.

Надеюсь, по мне не видно, что я думаю. Я еще раз перевожу дух и зачитываю следующую карточку:

– Ваш шведский стол, – я с трудом выговариваю это словосочетание – на Уайтфилдском благотворительном балу этого года открывается новыми поступлениями в ряды Львов: Бэррон Карстэрс... – Я подавляю звук тошноты, в то время как Бэррон запрыгивает на подиум, наслаждается аплодисментами гостей и оборачивается вокруг своей оси, презентуя себя. – Остин Сандерс... – Остин взбирается по трем ступеням на другом конце подиума и, тяжело ступая, идет вслед за Бэрроном, как зверь на заклятие. – И Джошуа Прентисс...

Я запинаюсь. Слишком много воспоминаний делают мой голос мрачнее.

Когда легкое как перышко прикосновение заставляет сердце биться чаще.

Кто-то рядом со мной, предположительно Валери, покашливает, и я отодвигаю это воспоминание на задний план, пока Джош марширует по подиуму, будто по недоразумению попал не в тот пункт программы.

– Келлан Томас, Натан Соьер, Сэм Мэттссон, Тимоти Тессье, Патрик Фридман и последний, но только по списку, Рё Ханю, – оттарабаниваю я имена остальных.

Ребята проходят по подиуму, будто их тянут за веревочку, а у сцены встречают. Затем все начинается с Рё. Я зачитываю, какими достоинствами обладает Рё. В это время Рё – со слегка покрасневшими щеками – предъясвляет себя аплодирующей публике.

– Стартовая цена, как и для всех стартовых номеров этого вечера, двадцать тысяч фунтов.

Пока я обдумываю, что могла бы сделать, имея такую сумму – наверное, дать Фиби возможность учиться в том университете, в котором она захочет, – светящиеся таблички с номерами покупательниц выстреливают вверх, словно фейерверк. Сумма достигает головокружительных высот и делает Рё пропорционально все более уверенным в себе.

– Продано номеру 126 за невысказанные восемьдесят шесть тысяч фунтов.

Звучат восторженные аплодисменты, обращенные к покупательнице, которая поднимается из-за своего стола и кивает всем присутствующим, пока я записываю ее номер на карточку Рё.

Всякий раз между двумя участниками аукциона развязывается настоящая война, будто обладательницы номеров сходятся на дуэли. Келлан, кажется, единственный не слишком доволен этим, но, если я правильно рассуждаю, он всегда выглядит мрачным, и улыбнуться для него – колоссальное напряжение. Тем не менее, он увеличивает товарооборот ради благородной цели, а чем больше юношей я сбываю с рук по высокой цене, тем больше впадаю в эйфорию. Напряжение можно буквально потрогать, оно щекочет кожу. А затем следует очередная карточка.

Мое сердце сбивается с ритма. Оно не может решить, стоит ему дальше предаваться этому дурману или лучше обиженно ретироваться.

– Наш следующий кандидат – Джошуа Прентисс, сын самой влиятельной женщины мира и...

– Пятьдесят тысяч, – выкрикивает первая покупательница, еще до того, как я зачитала достоинства Джоша.

Кто, черт подери, составлял эту карточку? Здесь написано: «Сын самой влиятельной женщины мира, король вечеринок с обворожительной улыбкой. Он обеспечит Вам волшебный вечер. Знакомство с Овальным кабинетом включено».

Когда я вновь недоуменно обращаюсь к публике, стоимость Джоша уже составляет девяносто тысяч фунтов, и это не финальная сумма. Потому что Джош с отмеченной в карточке обворожительной улыбкой снимает пиджак смокинга, небрежно закидывает его на плечо, а другой рукой смахивает с лица волосы, она растет все выше, пока мужской голос, относящийся к светящемуся номеру 34, и женщина с номером 117 не сходятся на дуэли.

– Сто двадцать тысяч фунтов раз...

– Сто пятьдесят тысяч! – кричит мужчина, чье лицо я не могу разглядеть, потому что его светящаяся табличка меня слишком ослепляет. Зачем ему Джош? Он хочет наладить контакт с Белым Домом?

– Сто пятьдесят тысяч фунтов раз, сто пятьдесят тысяч два, сто пятьдесят тысяч три. – Я взмахиваю белым глянцевым молотком. – Продано номеру 34 за баснословные сто пятьдесят тысяч фунтов, которые пойдут на благотворительные цели.

Ликование, аплодисменты, овации стоя, обращенные к таинственному покупателю, который, в отличие от других гостей, не встает и не купается в этом восхищении. Я преодолеваю желание заглянуть в список. Разделяюсь с торгами по Бэррону, текст о котором немного изменяю, прежде чем утверждаю самую высокую цену из заявленных – которой он ни в коем случае не стоит, – и перехожу к Остину.

– Мы переходим к последнему предложению этого вечера. Дорогие гости, я представляю вам героя аукциона. Остин Сандерс, словно волшебник, каждой своей фразой вызовет у вас улыбку и подарит ощущение, что вы центр вселенной. Клиенты-подзащитные потекут к нему рекой, его противники в суде могут сматывать удочки еще до произнесения вступительной речи.

Я улыбаюсь, читая меткое описание, и невольно ищу среди публики Диону. Между тем, освещенная своей табличкой участника, лежащей у нее на коленях, она сидит за одним из стоящих впереди столов рядом со своей мамой Даниэль Андертон, владелицей «D.A.», популярного в высшем обществе модного дома.

Диона сияет, встречаясь взглядом с моим, и что-то подсказывает мне, что текст на карточке Остина – ее рук дело, и каждое слово в нем идет от чистого сердца. Она первая тянет вверх свою светящуюся табличку с номером 30 и пресекает на корню любые последующие предложения других потенциальных покупателей.

– Продано номеру 30 за сто тысяч фунтов! – кричу я и в последний раз взмахиваю аукционным молотком.

Диона вскакивает, ликуя. Ее мама берет за руку мужчину, сидящего рядом, наверное, папу Дионы, и они смотрят в глаза друг другу. Они определенно предаются воспоминаниям о том времени, когда сами были в составе Львов и Воронов. Хотя я не знаю их лично и при слабом свете свечей даже не могу точно прочесть выражение их лиц, им удастся скорректировать репутацию этих сообществ в моих глазах, сильно пошатнувшуюся вследствие того, что мне пришлось пережить. Ни Львы, ни Вороны не плохие и не внушают страх. Нет. Они действительно творят добро. И под этим я подразумеваю не только гигантские пожертвования, сделанные сегодня вечером, но и то, что они открывают необеспеченным студентам и студенткам вроде меня возможности, которые без этой поддержки были бы невысказанными.

Я сделаю все для того, чтобы выявить паршивых овец, чтобы еще многие и многие девушки и юноши могли воспользоваться этими возможностями.

– Ты можешь перестать ухмыляться и зачитать имена. – Валери стоит рядом со мной. Она отодвигает карточки и раскрывает список номеров с соответствующими именами и фамилиями участников аукциона.

– Теперь я оглашу имена тех, кто на сегодняшнем аукционе предложил самую высокую цену. Мы благодарим вас за великодушные пожертвования и желаем вам чудесного вечера.

Публика аплодирует, в то время как я ищу отмеченные на карточках номера и одно за другим зачитываю соответствующие имена. На карточке Джоша я вновь

запинаюсь. Снова и снова я пробегаюсь по строке 34, в конце которой стоит мое имя. Мой взгляд скользит по Валери, которая стоит рядом и выглядит так же растерянно. Я пропускаю эту карточку и зачитываю оставшиеся имена.

– Сейчас я прошу выйти вперед всех участников аукциона и тех, кто предложил самую высокую цену.

Под несмолкающие аплодисменты со своих мест повсюду поднимаются участники с табличками, в то время как я жду появления мужчины, который с номером 34 – моим номером! – приобрел на торгах Джоша. Должно быть, это дурная шутка.

Диона в своем платье цвета сахарной ваты бежит к Остину, который обнимает ее и кружит. Между тем отец Дионы встает рядом с Джошем. Диона поворачивается ко мне и многозначительно улыбается.

Неужели она всерьез это сделала? Больше всего я сейчас хочу провалиться под сцену, как в старых комедийных шоу. Мое сердце бешено бьется.

Джош, прищурившись, разглядывает незнакомого ему мужчину, пока его телохранитель Джейс стоит в нескольких шагах позади в полной боевой готовности.

Все еще пытаюсь сохранять самообладание, я смотрю, как пары выходят через межкомнатную дверь в зал для мероприятий меньшего размера – после того как отдали свои чеки. Товар выглядит более-менее восторженно. Награда за самый недовольный взгляд достается Келлану, несмотря на то, что он явно старается улыбаться своей спутнице – даме-суперлатив: на самых высоких каблуках, в самой короткой мини-юбке и с самым глубоким вырезом на свете. Под конец Джоша уводит Бриттани, которая вместе с другими Воронами сопровождает пары в соседний зал. Отец Дионы извиняется перед Джошем и обещает прийти следом.

Джош идет рядом с Бриттани, за ним неотрывно следует Джейс. Диона подзывает к себе отца. Она хватает его за руку и тянет ко мне. После моей монотонной благодарственной речи за великодушное пожертвование он выписывает чек, так что я могу вручить ему акт купли-продажи, который, к моему ужасу, составлен на мое имя.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее организация, запрещенная на территории РФ. (Прим. ред.)

Купить: https://tellnovel.com/ru/hasse_shtefani/ty-lyubish-predatelya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)